



**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов  
по материалам I Международной  
научно-практической конференции**

**СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ:  
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**25 января 2016 г.**



**Нижний Новгород, 2016**

**[www.scipro.ru](http://www.scipro.ru)**

УДК 8  
ББК 80/83

С 56

*Редакторы:*  
*Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк*

Современное языкознание: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 25 января 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016. 37с.

ISBN: 978-5-00-005463-6

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемные вопросы по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран по материалам научно-практической конференции «Современное языкознание: проблемы и перспективы» (25 января 2016 г.)

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору № 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайтах <http://www.scipro.ru> и <http://www.libex.ru/>.

УДК 8  
ББК 80/83

ISBN: 978-5-00-005463-6

Редакторы Н.А. Краснова,  
Т.Н. Плесканюк, 2016

Коллектив авторов, 2016

Индивидуальный предприниматель  
Краснова Н.А., 2016

# СОДЕРЖАНИЕ

## СЕКЦИЯ История зарубежных литератур

- Жакупова А. О.**  
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ  
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В СВЕТЕ РАССМОТРЕНИЯ НАСЛЕДИЯ Ж.АЙМАУЫТОВА . 4

## СЕКЦИЯ История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук

- Шутова Т.А.**  
РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ  
РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ..... 9

## СЕКЦИЯ Общие вопросы языкознания

- Бузук Л.Г.**  
ЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ  
И ФИЛОСОФСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ..... 12
- Фролова Г.Э.**  
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ФРАЗОВОГО ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОЙ  
ЛИНГВИСТИКЕ ..... 15

## СЕКЦИЯ Проблемы переводоведения

- Зими́на Е.В.**  
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВЕРЛИБРА..... 19

## СЕКЦИЯ Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы

- Костян М.Х.**  
ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ С КОРНЕМ «СОЛ-» ..... 22
- Политова Е.В.**  
АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В  
ДИСКУРСЕ МОДЫ..... 23
- Твердохлеб О.Г.**  
ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОДНОТИПНОСТЬ / РАЗНОРОДНОСТЬ ИМЕННЫХ ЛЕКСЕМ В  
СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ПРИ ГЛАГОЛАХ СОЕДИНЕНИЯ ..... 25

## СЕКЦИЯ Язык и ментальность

- Карпов Е.А.**  
СЕМАНТИКА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ ..... 28
- Коновалова И.Е.**  
СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ» И «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В  
СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ ..... 31

УДК 82.01

### СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ В СВЕТЕ РАССМОТРЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Ж.АЙМАУЫТОВА

Жакупова Алия Омиржановна

Международная образовательная корпорация, г. Алматы

[alia\\_zhakup@mail.ru](mailto:alia_zhakup@mail.ru)

### THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS OF KAZAKH LITERARY CRITICISM IN THE LIGHT OF THE CONSIDERATION OF ZH.AYMAUYTOV HERITAGE

Zhakupova Aliya Omerzhanovna

International Educational Corporation, Almaty

**Аннотация.** В статье определяется период казахской литературной критики и истории литературной науки. Раскрывается современное состояние и перспективы развития казахской литературной критики. Рассматривается литературно-критическое наследие Жусыпбека Аймауытова.

**Ключевые слова:** критика, литература, жанр, наследие, произведение, исследование, история

**Abstract.** The article defines the period of the Kazakh literary criticism and history of literary science. The author reveals the current state and prospects of Kazakh literary criticism development. It is considered the literary and critical legacy of Zhusyypbek Aimauytov.

**Keywords:** criticism, literature, genre, heritage, work, research, history

В анализе казахской литературы с научных позиций особое место занимает критика. Обращение к проблеме определения уровня исследования проблем критики в казахском литературоведении позволяет зафиксировать систематизацию казахской литературной критики с научных позиций. Определяется три периода казахской литературной критики и истории литературной науки. «Первый период – зарождение казахской литературной критики. Этот период длится вплоть до Октябрьского переворота. Второй период – зарождение литературной науки и формирование литературной критики как жанра. Этот процесс относится к 1917-1937 годам. Третий период – развитие и расцвет казахской литературной критики и формирование литературоведения, которые относятся к 1938-1985 годам» [1, с.31]. Надо отметить, что для усиления роли критики в литературном процессе, повышения научного, идейного, художественного уровней, ее действенности, необходимо исследование проблем теории и методологии. Прежде всего для этого необходимо определить, чем же является критика. Теоретические проблемы литературной критики, ее природа становились предметом исследования русских и казахских ученых, которые сделали ценные выводы по теме критики. Так, если Т.Какишев говорит о том, что «То, что критика – жанр, относящийся к письменной литературе, ...с теоретических позиций точно не определено» [1, с.3], то С. Кирабаев делает вывод о том, что «...нет сомнений в том, что критика – один из жанров литературы, а критик - писатель» [2, с.16]. «И Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов не были критиками в чистом виде. Добролюбов пишет: «Критика – это прежде всего, отражение гражданского взгляда на мир, раскрытие жизненных явлений и явлений литературы и системное их воплощение». Д.Писарев, говоря о том, что: «Мы понимаем под критикой оценку основных явлений жизни, науки и литературы, а затем рожденный из этого определенный взгляд постоянно и системно распространять – таково наше понимание критики», высказывал мысли о критике: «С одной стороны, «философское

сознание эпохи», с другой - «недвижимая эстетика», вот, согласно высказыванию Белинского, это должно составлять два крыла критика. У критиков, как правило, если есть одно, нет другого. Таким образом, в написанном нами, не утверждается литературное или общественное развитие на основе анализа отдельного произведения» [3, с.87].

Литературная критика сформировалась одновременно с художественной литературой. Художественное развитие и процветание эстетических вкусов и устремлений не разрываются по времени, а происходят взаимосвязано. Если же говорить об уровне критики, которая появилась одновременно с художественной литературой, необходимо остановиться на двух предпосылках – субъективных и объективных. Можно сказать, что эстетический уровень критики измеряется высотой литературы. Тот, кто описывает субъективные предпосылки, должен помнить об образовательном уровне и эстетическом вкусе. Во всякое время: и в периоды расцвета литературы и в те периоды, когда с художественной стороны или со стороны организации общественного мнения, критика не может достигнуть высокого уровня, никогда знания и эстетические вкусы критика не выходили из привычного ряда. Одно это является необходимой субъективной предпосылкой понимания уровня критики.

Вторая объективная причина зависит, в основном, от общего уровня литературы. Если художественное произведение находится на высоком уровне своим общественным значением, явлениями художественного изображения типовых ситуаций, развитием богатства языка, а также в плане эстетических идей, способных увлечь за собой читателя, в этом случае и критика будет находиться на том же уровне. Критик всегда берет необходимые для изображения идеи доказательства эпохального расцвета художественного развития в реалиях литературы, дает ориентир будущих высот, раскрывает направления расцвета литературы, активно входит в литературный процесс.

В тот период, когда зародилась казахская критика, просветители-демократы Чокан, Ыбырай, Абай распространили свои мысли по трем областям общественного сознания. Если Чокан Валиханов свои мысли о литературе воплощает в науке, Ыбырай Алтынсарин сообщает о них через педагогическую систему, Абай Кунанбаев делает выводы через эстетическое познание. Надо отметить, что начинающий критик Аймауытов опирался на сообщения и познания в этих трех областях, или научной, педагогической, эстетической. Передовые и прогрессивные социолого-эстетические мысли будущего он показывает в позитивном аспекте и на высоком уровне.

Основной канал публикации критики – газеты и журналы. Природа жанра критики в большинстве преследует цели в соответствии со своим эпохальным характером разъяснить читательской общественности смыслы художественного произведения, заставившего социум задуматься и, вместе с этим, по возможности оказать помощь, поддержку автору, написавшему произведение.

Казахская критика появилась в дооктябрьский период. Несмотря на то, что нельзя сказать о достижении казахской критики предельных высот в плане эстетических вкусов и потребностей и художественного потенциала, тем не менее, ей, в соответствии со своим характером, удалось поднять многочисленные проблемы мастерства в казахской литературе, сумев установить творческую взаимосвязь между писателем и читателем [1, с.182].

Анализируя проблемы исследований критики, можно обнаружить, что Ж.Аймауытов не только исследовал литературу, но и освещал все общественные и социальные проблемы через прессу. Критика играет важную роль не только в развитии художественности, но и в расцвете общественной мысли вообще. Уровень критики тесно связан с уровнем художественной литературы, культуры, печати, с социальными явлениями, расцветом мысли. Ясно то, что литературная критика имеет социальный характер. Каков литературный, научный, публицистический характер, таков и социальный смысл. А.Байтурсинов полно раскрыл сложные задачи и большую ответственность, стоящую перед критиками в изложении читателям тяжести социальных проблем художественной литературы, их перевода в духовное благо. Вместе с тем литературная критика – сложная составляющая общественной критики, вид творчества, возникшая как синтез художественной литературы,

литературоведения и журналистики, которая исследует будни литературной жизни, анализирует ее достижения и недостатки, дает оценку, помогает читателю в правильном осмыслении произведения, служащая в области духовного мира, сложная сфера общественного сознания литературного, научного, публицистического характера. Уровень критики зависит, прежде всего, от уровня самого критика. Талантливый критик – редкий талант. Он должен наряду со знанием литературоведения быть всесторонне вооруженным достижениями ученых всего мира знающим человеком. «Литературное сочинение – художественное изображение общественной жизни. В нем находят отражение общественное сознание определенной среды и его духовная система, хозяйственная деятельность, мечты, национальные, религиозные особенности. Для того, чтобы определить, на каком уровне эти проблемы в произведении нашли отражение, критик и производит социальный анализ» [4, с.187].

В сравнении с другими литературными жанрами жанр критики является достаточно сложным. Критика прежде всего принимает форму мысли. В ней совмещаются художественные вкусы критика, его мысли, философские раздумья. Отсюда близость критики философии, эстетике, искусству в общем. Одной из причин того, что пришедшие в литературу, начав с написания незначительных рецензий, дальше не остаются в критике, редкость кадров в сфере критики объясняется тяжестью и высотой поставленных задач. В этой связи необходимо постоянно ценить труд критика, относиться к нему с почтением.

Рассматривая историю современной литературной критики, окидывая взглядом ее путь, с позиций художественного качества, можно отметить несколько периодов. В 20-30-е годы XX века литературно-художественная критика, основу которой заложили герои Алаш, и благодаря которым она поднялась на новаторскую, национальную, познавательно-художественную высоту, и через это стремилась соединить в одну систему историю, теорию, художественные искания народной литературы того времени, что не прошло бесследно. Исследователи литературы и критики последующей волны успешно продолжили поиски в направлении, начатом в те годы А.Байтурсыновым, Ж.Аймауытовым, С.Мукановым, С.Сейфуллиным, М.Ауезовым, Г.Тогжановым, К.Жумалиевым, Е.Ысмайыловым, Б.Кенжебаевым, и оставили беспрецедентное богатое наследие [5, с.235].

В настоящее время доставшееся нам наследие стало для молодого поколения незаменимой духовной пищей. Надо сказать, современная казахская художественная критика появилась не на пустом месте, а берет силы с содержательной школы, с источника нашей литературы необъятной глубины. Сформировавшаяся в сложное время для национальной литературы казахов и литературоведческой литературы, критика в 60-90 годы и для современной независимой литературы и искусства является бесценным высоким процветающей традицией, эстетической ценностью. В этот временной промежуток сформировалось, развилось и прославилось поколение плодотворно творивших казахских критиков. К этой группе, созданной критиками Алаш, в 70-годы присоединились Т.Какишев, З.Сериккалиев, Т.Токбергенов, А.Сулейменов, Ж.Абдирашев, С.Ашимбаев, которые своими критическими сочинениями увлекали читателей и внесли свою лепту в литературу. На сегодняшний день необходимо особо отметить этих талантливых, высокоинтеллектуальных, опытных литературных критиков, видных писателей, взявших на себя тяжелое бремя профессиональной критики, в течение нескольких десятилетий связавших свою судьбу с литературной критикой, особенностью которых было одновременная реализация себя во всех литературных жанрах, продуктивное восполнение пустот, плодотворный литературный труд. Читательское внимание к себе эти литературные критики привлекали не столько количеством, сколько художественным качеством литературных исследований, литературно-критических трудов. Основной духовной задачей является на сегодняшний день рассмотрение и анализ творческой лаборатории, художественного мира выше упомянутых писателей, каждый из которых стал вершиной литературы, с позиций современных высот литературоведения, критико-эстетического миропонимания.

Истоки казахской литературной критики глубоки, литературно-критическая мысль

зародилась одновременно с зарождением самой литературы, формируется параллельно с ней. Отсюда, как и история литературы, история литературной критики рассматривается с позиций научного взвешенного подхода, и подвергается специальному анализу, которые суммируются в ключевых исследовательских трудах. Однако на сегодняшний день в казахском литературоведении не проведено специальное исследование, которое бы было посвящено теоретическим и прикладным проблемам казахской литературной критики, вопросам литературного анализа, методики критического анализа литературного произведения, мастерства критика в плане анализа и оценки критика. В этой связи чрезвычайно значимым для того, кто выбрал для себя путь литературного критика, наряду со специальным литературным знанием, должен обладать эстетическим взглядом и вкусом, теоретической подготовкой, аналитическими и оценочными навыками. Не имеющий основательной теоретико-литературной подготовки человек способен реализовать на основе своего отношения к познанному в поэтическом или писательском труде, и процветать в ряду других таких же деятелей. При этом место и положение литературной критики особое, поскольку тот, кто не обладает глубоким теоретическим знанием в сфере литературы, не способен на создание критики, и даже на пробу пера в этой области, поскольку наряду с теоретико-литературным знанием он должен обладать способностью взвешенной эстетической оценки литературного произведения. Последнее обуславливает все остальные качества критика, поскольку способность к оценке раскрывается через историю литературы и ее теорию и обуславливает отношение к литературному произведению, и здесь нет иного подхода. А когда речь идет об анализе литературного произведения и о мастерстве, можно говорить только о мастерстве критика, о его точке зрения. Здесь важным моментом для развития литературной критики, профессионального становления литературного критика являются эти способности и литературные раздумья об этом [5, с.135].

Критик сам выбирает направление знаниями и навыками, обретенными в области истории и теории литературы, в мире литературного анализа в соответствии с творческими исканиями и эстетическими задачами. Один из таких критиков, сформировавшийся как профессиональный критик в подобных условиях, обладающий прогрессивными взглядами, обладающий природным талантом, один из видных творческих деятелей – Жусыпбек Аймауытов. Это можно сказать с позиций сегодняшнего дня после глубокого анализа критических трудов Жусыпбека Аймауытова.

Талант критика является талантом особого рода, поскольку здесь необходима способность распознать природу литературного произведения, правильно его познать, вместе с этим проанализировать, рассмотреть его – это искусство. Однако задача критика – не только увидеть, подвергнуть анализу то, что изображено, познано в художественном произведении, литературный критик должен быть дальновзорким в плане способности художественного мышления. Он должен быть мастером, знакомым с веками собранной драгоценными образцами художественной литературы, искусства и культуры, традиций и быта, истории и философии, их правилами, быть растворенным в душе в общечеловеческих духовных ценностях, аккумулируя их, суметь воплотить в своих трудах. Лишь в этом случае может раскрыться только перед ним поставленная эстетическая цель критика в отношении литературы и жизни, литературного произведения, творческой позиции. Таковая эстетическая цель, творческое познание в отношении литературного произведения, внешнего оформления, прекрасного мира, замечательной его природы, которые находятся только у критика, только у него, в отличие от других, есть особенное познание. Только при помощи такого познания критик может выявить присутствующие и отсутствующие, долженствовавшие быть явления и особенности в литературном произведении, иначе говоря, способен определить сегодняшний и завтрашний день художественной литературы, в сравнительном аспекте рассмотреть современное бытие и будущие характеристики, в этом заключается талант дальновзоркости критика. Подобно Зейнолле Сериккалиеву, Толегену Токбергенову, Сагату Ашимбаеву, Сайлаубек Естайулы был одним из таких деятелей, которые пытались поднять литературную критику до уровня настоящей критики и – далее –

до уровня литературоведения. Он обращал внимание в литературном произведении, прежде всего, на глубокое раскрытие содержательных с общественной, социальной точки зрения явлений истинной реальности. Он считал необходимым широко раскрывая реалии жизни большой общественной значимости, брать за основу эстетически содержательного анализа и оценки только такое произведение, которое реально изображает жизнь. Несомненно, для изображения общественно значимых, содержательных, истинных явлений от писателя требуется глубокое знание истины жизни, законов социального развития общества, оптимального анализа велений времени. Писатель глубоко не познавший жизнь, не знаком в полной мере с ее проявлениями, не в состоянии понять художественное произведение. То же можно сказать и о литературном критике: не сумевший глубоко познать жизнь, не сможет познать жизненные реалии, отраженные в литературном произведении, раскрыть его общественное значение. Критик должен знать жизненные реалии в пределах действующих в литературе и искусстве закономерностей, и только в этом случае его критика будет конструктивной. Критик, рассуждая об эстетическом взаимодействии литературного произведения с жизненными ценностями, в то же время старается не отходить от исторического подхода к анализу и отбору в своих статьях. Несомненно, явления художественно-идейного мира литературного произведения связаны с другими многочисленными явлениями. То, с каких позиций, в каком направлении, в каком отношении и на каком уровне необходимо рассматривать произведение, раскрывается в соответствии с поставленными перед ним целями и задачами. Сайлаубек Естаев говорит об отдельных моментах своего творчества и размышляет над общим положением. Поэтому в его мыслях и раздумьях, анализе и отборе органично сочетаются общее содержание и индивидуальные секреты, художественные высоты и научный анализ.

Жусыпбек Аймауытов находился в постоянном творческом поиске, доказательством чему могут служить его способности переводчика, драматурга, прозаика. О труде писателя, таланте писателя, его мастерстве во многом числе отзываются и литературоведы, и критики. Несмотря на то, что многие вопросы подняты, мысли сформулированы, существуют весомые проблемы, требующие решения, идеи, требующие озвучивания. Исследователи и критики склонны писать о сложных, основных явлениях в области таких проблем. Это нельзя отнести к их недостаткам. Обращение к общим проблемам в противовес частным является более продуктивным. При этом, говоря об актуальных проблемах общего характера, нетрудно случайным образом сказать о частном. Самое неудобное – искать художественные черты в произведении, написанном без труда, без таланта и мастерства. Необходимо избегать высоких оценок слабых произведений талантливых писателей, поскольку такое произведение способно навредить таланту.

Поэтому закономерным является то, что в критических жанрах литературы остаются только те, кто стоит на твердых позициях, те, кто способен делать выводы в широком измерении. В этом и истина, и тайна критика. Истина заключается в том, что он отражает правду об авторе, настоящее положение вещей, а тайна в том, что истина, правда, требует от критика выражения на словах. Истина, принявшая форму критика, подобна острому копыю. Мало кто способен решиться на это. По этой причине критика вообще и казахская критика в частности находится в определенном застое. На сегодняшний день основной задачей является возрождение профессиональной казахской литературной критики как области науки о литературе.

#### **Библиографический список**

1. Кәкішев Т. Қазақ әдебиеті сынының тарихы I-бөлім./Оқу құралы/. - Алматы: Білім, 2002. - 188 б.
2. Ысқақұлы Д. Сынталқы. – Алматы : Сөздік-словарь, 2005. 416 б.
3. Қирабаев С. Шығармалар, 2-т, Сын мақалалар мен зерттеулер, – Алматы: Жазушы, 1992. – 544 б.
4. Қирабаев С. Шындық және шығарма. - Алматы: Жалын, 1981. 252 б.
5. Қазақ тарихындағы ұлы тұлғалар: Портреттер. – Алматы: Өнер, 2003 – 544 б.



# СЕКЦИЯ История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук

УДК 378.147:811.161.1

## РОЛЬ ПИСЬМЕННЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

Шутова Татьяна Альбертовна

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

## THE ROLE OF WRITING EXERCISES IN TEACHING RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE FOR BEGINNERS

Shutova Tatiana Albertovna

St.-Petersburg State University, St.-Petersburg

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы использования упражнений по письму на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному.

**Ключевые слова:** русский язык как иностранный, начальный этап обучения, письменные упражнения

**Abstract.** The article deals with topical issues of using writing exercises while teaching Russian as a second language.

**Keywords:** Russian as a second language, elementary level, writing exercises

В основе современной методики обучения иностранным языкам, в том числе и русскому языку как иностранному, лежит принцип коммуникативности. Мы обучаем языку как средству общения, т.е. главной задачей любого этапа обучения является формирование навыков и умений общения на изучаемом языке. Данное положение касается в основном форм краткосрочного обучения, т.к. в его рамках основное внимание уделяется устной речи на материале тем общения, характерных для обиходно-бытовой сферы, но также справедливо и для различных форм долгосрочного обучения. В связи с этим письменная речь часто отодвигается на задний план или вовсе исключается из процесса обучения. Нам кажется, нельзя согласиться с таким подходом. В связи с этим в данной работе автор высказывает своё мнение по вопросу о месте и роли письменных упражнений на начальном этапе обучения РКИ.

В методике преподавания не только русского, но и любого другого иностранного языка различают письмо и письменную речь. Подобное разграничение связано с особенностями механизма письма, который складывается из двух звеньев: составление слов из букв и составление письменных сообщений из слов и словосочетаний. В основе осуществления первого звена лежит владение графикой и орфографией, а для реализации второго звена характерно выражение мыслей с помощью определённого графического кода, т.е. необходимо речевое умение.

Письменные упражнения, направленные на формирование графических и орфографических навыков, целесообразно вводить уже на первых занятиях по РКИ. Хорошо известно, какие трудности испытывают иностранные учащиеся в процессе овладения совершенно особой для них графикой русского письма, связанной со спецификой русского кириллического алфавита.

Интерферирующее влияние навыков письма на родном языке часто приводит к устойчивым, трудно исправимым ошибкам, что при стремлении учащихся к быстрому овладению русским языком на начальном этапе часто нервирует и раздражает обучаемых. А недостаточная сформированность навыков письма сказывается отрицательно на овладении

навыками и умениями устной речи, к чему, собственно, так стремятся учащиеся на начальном этапе изучения языка, и что вполне логично и объяснимо.

Роль письменных упражнений при обучении чтению на начальном этапе чрезвычайно существенна, собственно, с этого и начинается весь практический курс. В этот период большие трудности для преподавателя РКИ связаны с необходимостью преодолевать ошибки в чтении, обусловленные языковой интерференцией. На начальном этапе изучения иностранного языка учащийся неизбежно сознательно или интуитивно соотносит предъявляемые на занятиях новые языковые явления с системой языка, которым он владеет с детства. Большинство студентов, обучающихся на курсах русского языка в СПбГУ, из Китая, и без преувеличения можно сказать, что русский и китайский языки в силу своей принадлежности к различным языковым семьям - индоевропейской и китайско-тибетской, - обладают диаметрально противоположными структурными и типологическими особенностями. Так, например, практически несопоставимы многие грамматические категории русского и китайского языков: то, что в русском передаётся посредством грамматических категорий (в качестве примеров можно привести категории падежа, рода, глагольного вида, особо выделяемую группу глаголов движения), в китайском передаётся лексическими средствами.

Кажется, что "лингвистический шок", который испытывают наши обучаемые – китайские и тайваньские студенты - на начальном этапе овладения языком, неизбежен. Но практика показывает, что такой "шок" может быть в значительной мере смягчён, если не снят полностью, если преподаватель опирается на язык-посредник - иностранный язык, который студенты изучали ранее.

Прежде всего это относится к английскому языку. Ко времени поступления в университеты молодые люди имеют некоторый опыт изучения английского языка. Таким образом, студенты, приступающие к изучению русского языка "с нуля", уже в той или иной мере владеют английским языком.

Возвращаясь к анализу ошибок в чтении, обусловленных языковой интерференцией, отметим, что источником таких ошибок являются внешне сходные в русской и латинской графике буквы, обозначающие разные звуки, такие, как *в, с, т, п, р*. Случается, что некоторые учащиеся в течение всего начального этапа обучения испытывают непреодолимые трудности при чтении таких слов, как *сад, сок, вода, папа, рыба* и т.д. Здесь очень часто курсив, использующийся в учебниках и учебных пособиях для выделения или акцентирования чего-либо, просто сбивает учащихся с толку и мешает им. Представляется целесообразным порекомендовать авторам пособий вовсе убрать выделение курсивом из учебников для начального этапа обучения. Письменные упражнения, даже самые простые, помогают закрепить в сознании учащихся звуко-буквенные отношения и способствуют, таким образом, более быстрому овладению техникой чтения.

Невозможно переоценить роль письменных упражнений при изучении русской грамматики. Так, только при помощи письма можно закрепить в сознании учащихся разницу в окончаниях рода и числа русских имён прилагательных, звучащих почти одинаково (*новая улица - новое здание - новые магазины; маленькая машина - маленькое яблоко - маленькие дети* и т.д.), или окончаний глагола в прошедшем времени (*книга понравилась - молоко понравилось - песни понравились* и т.д.).

Представляя собой вторичное явление по отношению к устной речи, письменная речь вбирает в себя характерные черты говорения (скрытую артикуляцию звуков, интонирование), которые без письменной фиксации искажаются учащимися. Так, например, только при помощи письменных упражнений можно закрепить в сознании учащихся разницу в произнесении личных и неопределённых форм русского глагола (*читает - читать, работает - работать* и т.д.), окончаний рода и числа имён прилагательных (*красивый - красивые, маленький - маленькие, хороший - хорошие* и т.д.) и другие типичные явления русского языка, без которых обучение русскому языку на начальном этапе невозможно. Это

даёт основание некоторым исследователям даже утверждать, что невозможно выработать навыки правильной устной речи при опоре только на устные формы работы.

Важную роль для начального этапа играет организация учебного процесса, а именно: отбор, дозировка и последовательность введения письменных упражнений. Первая неделя обучения (при 20 часах занятий в неделю), а в других случаях даже больший период времени предполагает овладение учащимися навыками русского письма. В методической литературе с этой целью рекомендуется использовать две группы упражнений: упражнения в начертании букв и упражнения в звуко-буквенных соотношениях. Первую группу составляют письменные упражнения, предполагающие написание букв по образцу, написание слов по образцу, написание словосочетаний и предложений по образцу. К упражнениям второй группы в первую очередь относятся словарные диктанты разной степени трудности.

Использовать письменные упражнения на начальном этапе целесообразно не только как средство обучения, но и как средство контроля предполагаемого программой языкового и речевого материала. Как только учащиеся овладевают минимальным набором языковых и грамматических единиц, целесообразно вводить в процесс обучения условно-речевые письменные упражнения, в частности, различного рода изложения (развёрнутые, сжатые, свободные). На следующем этапе полезно включать в процесс обучения упражнения, направленные на формирование элементарных умений и навыков собственно письменной речи учащихся, т.е. включающие в себя элементы подлинной коммуникации, такие как: "Напишите адрес на конверте", "Напишите записку соседу" и т.д.

Ну и как только в процесс обучения включаются разговорные темы, учащимся предлагается написание элементарных сочинений. Тематическая направленность данного вида письменных упражнений определяется разговорно-бытовыми темами, изучаемыми в данный период обучения, например: "Моя семья", "Мой дом", "Мой день", "Мой город" и т.д. В целях экономии учебного времени такие упражнения чаще выполняются в домашних условиях, что попутно даёт возможность учащимся расширить свой словарный запас, пользуясь двуязычным словарём. Обычно для выполнения такого рода упражнений обучаемым предлагается текст-модель, план сочинения или ориентировочные вопросы. Предварительно в аудитории обязательно прорабатывается лексико-грамматический материал, необходимый для выполнения задания. Практика показывает, что названные типы письменных упражнений способствуют более прочному и эффективному овладению русской устной речью.

Всё вышеизложенное ясно свидетельствует, насколько существенна роль письменных упражнений в обучении иностранцев устному общению на начальном этапе. Признанием необходимости более активного введения письменных форм работы в процесс обучения РКИ являются и требования Государственного образовательного стандарта, в соответствии с которыми иностранные учащиеся начального этапа на элементарном уровне должны владеть навыками и умениями конструировать:

- письменные высказывания продуктивного характера на предложенную тему в соответствии с коммуникативной установкой с опорой на вопросы;
- письменное монологическое высказывание репродуктивного характера на основе прочитанного текста в соответствии с коммуникативно заданной установкой.

### **Библиографический список**

1. Глухов Б.А., Шукин А.Н. Термины методики преподавания РКИ. - М., 1993.
2. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному: Элементарный уровень / Владимирова Т.Е. и др. - М.- СПб., 1999.
3. Сосенко Э.Ю. Обучение русской письменной речи. // Методика. Под ред. А.А. Леонтьева, Т.А. Королёвой. - М., 1982.

### ЯЗЫКОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Бузук Лилия Геннадьевна

Российский государственный социальный университет, г. Москва.

[lbu-1@yandex.ru](mailto:lbu-1@yandex.ru)

### THE VALIDITY OF LANGUAGE AND THE ARGUMENTATION THEORY: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL INTERACTION

Buzuk Liliya Gennadyevna

Russian State Social University, Moscow

**Аннотация.** В статье рассматривается языковая действительность и теория аргументации как важнейшие компоненты лингвистического и философского взаимодействия. Раскрываются лингвистическо-философские признаки языковой действительности, выделяются ее основные элементы, анализ содержания которых позволил установить функциональные зависимости между языком, речью и текстовым сообщением, игнорирование которых сказывается на качестве аргументации суждений.

**Ключевые слова:** языковая действительность, внеязыковой мир, языковой мир, язык, речь, текстовое сообщение, теория аргументации, когнитивная практика.

**Abstract.** The article examines the validity of language and the argumentation theory as the most important components of the linguistic and philosophical interaction. The linguistic and philosophical features of the language validity are revealed, its main elements are highlighted and their content analysis allowed to establish the functional dependencies between language, parole and text message ignoring of which affects the quality of the argumentation judgement.

**Keywords:** language validity, extralinguistic world, linguistic world, language, parole, text message, argumentation theory, cognitive practice.

Языковую действительность часто определяют онтологически - через соотнесение объективного и субъективного. По этому вопросу существуют две противоположенные точки зрения. В соответствии с первой, языковая действительность есть следствие отражения объективных процессов в сознании человека, его сигнально-знаковая реакция на происходящие события. В соответствии с другой, языковая действительность - это конвенция, соглашение между людьми о знаках и правил языковой игры. Например, языковая действительность определяется как «**смысловая форма внеязыкового мира**» [6, с.68-70], создающая представления об окружающей действительности. По мнению Л. Витгенштейна, нас окружает не мир вещей, а мир фактов: «Мир вокруг нас - это факты в логическом пространстве» [3, с.53]. Скорее всего, в этом фрагменте речь идет не столько о фактах в логическом пространстве, сколько об их смысловой интерпретации. Разница между фактом (объективно произошедшем событии) и мнением о факте (различные смысловые интерпретации факта) очевидна. Для ее преодоления необходимо не «играть в факты», подбирая их под свою позицию, а опираться на всю их совокупность, в единстве как позитивных, так и негативных сторон. Исследовательская трудность состоит в том, что факт и мнение о факте полностью не совпадают, и мы можем только в большей или меньшей степени приближаться к этому состоянию. Онтологическая характеристика соотношения внеязыкового и языкового миров важна, но не исчерпывает многообразия исследуемого явления. Очевидно, что языковая действительность есть целостный социальный феномен со сложной структурой. Приведенная дефиниция языковой действительности не раскрывает реальное содержание данного понятия и нуждается в дополнении.

Лингвистическо-философское осмысление других аспектов языковой

действительности позволяет зафиксировать следующие признаки:

1. Языковая действительность - многогранный социальный феномен, важнейшее достижение длительной социокультурной эволюции конкретно-исторического этноса. Языковая действительность проявляется одновременно и как следствие исторического развития культуры, ментальности данного этноса, и как причина своеобразия дальнейшего пути развития этой общности. Полученные результаты языковой действительности фиксируются и передаются средствами языка из поколения в поколение через религиозные, нравственные нормы, этикет, образ жизни. Человек непрерывно взаимодействует с окружающим его миром, адаптируется к нему, пытаясь приспособить происходящие объективные процессы под свои потребности и нужды. В результате языковая действительность конкретной языковой общности становится важнейшим признаком социализации человека [1, с. 648]. Как справедливо отмечал А.Ф. Лосев, следует различать бесформенное, неопределенное и неорганизованное вещество и вещи как результат оформления и осмысления материи, превращающих ее в реальность. [5, с.23]

2. Языковая действительность является «домашним» изобретением конкретно-исторической общности людей, проживающей на определенной территории и сумевшей сформировать социокультурные коды национальной идентификации: обычаи, мифологию, культуру, язык. Со временем языковая действительность выходит за пределы собственно житейского опыта, ограниченного границами действия естественного (национального) языка, пополняется языками формализованными (под решение конкретных задач: программирование, язык жестов и т.д.) и комбинированными (язык науки, искусства, религии), сочетающими в себе признаки и естественного, и формализованного языков. Языковая действительность включает в себя не только перечисленные знаковые системы различных языков, но и их словари, синтаксис и семантику.

3. В настоящее время наблюдается повышение значимости в жизни социума языков когнитивных практик, направленных на познание и преобразование мира. Посредством языков когнитивных практик люди формируют представления об окружающем мире и, тем самым, язык становится преобразующей силой. Аккумулируя и транслируя социальный опыт, языки когнитивных практик воздействуют и на ментальность своего носителя, формируют его как личность. С учетом сказанного можно отметить, что языковая действительность предстает системой языковых знаков, разработанной конкретно-исторической общностью людей, предназначенной для отражения процессов объективного мира и организации их взаимодействия посредством текстового общения.

Языковая действительность переходит в речевую деятельность через письменное или устное текстовое общение. Понятие «текстового общения» еще не устоялось, но в любом случае ясно, что оно представляет собой сложное коммуникативное явление, включающее как социальный контекст, характеризующий участников коммуникации, так и процессы производства, восприятия содержания самого сообщения. Текстовое общение обладает признаками: а) знаковостью (оно фиксируется в конкретных знаках); б) внешней грамматической и риторической связанностью (лат. *textum* — ткань, сплетение, соединение); в) внутренней познавательно-ценностной осмысленностью, направленной на раскрытие темы (текст не только познается логически, но и оценивается); г) диалоговостью (предполагает диалог и активную реакцию другой стороны на приводимые доводы).

Аргументация является одним из ведущих показателей качества устного или письменного текстового общения. Она представляет собой социальное речевое обращение аргументатора к разуму аудитории, поскольку система его утверждений всегда обращена к другому человеку (другим людям), включает систему утверждений, направленных на усиление (ослабление) чьих-то убеждений, оправдания (опровержения) какого-то мнения. Промежуточными целями аргументации текстового общения могут быть истина, красота, добро и многое другое, но конечная цель - это всегда убеждение аудитории в необходимости принятия позиции аргументатора, что, в идеале, предполагает способность аудитории рационально принимать или оспаривать приводимые доводы [2, с. 6-11]. Убеждение

рассматривается в теории аргументации как центральная категория человеческой жизни и деятельности. Одновременно - это одна из сложных, противоречивых, с трудом поддающихся анализу категорий [4. с. 6].

Обобщая все вышесказанное можно сделать следующие выводы:

Во-первых, выстраивается следующая взаимосвязь: языковая действительность объединяет язык и речь в текстовом общении, имеющем форму произнесенных или написанных утверждений, качество которого часто проявляется в аргументации, способности убеждать аудиторию в правоте своих суждений.

Во-вторых, понятие языковой действительности употребляется в предельно широком смысле как явление, охватывающее язык и речь, находящиеся в определенном противопоставлении. Если язык - это знаковая система, не нарушаемое конструктивное единство, подчиненное строгим лингвистическим закономерностям, сочетающее лексические и грамматические средства с правилами говорения, то живая речь - изменчива, подвижна, постоянно нарушает строгость языка, хотя в целом и сохраняет его содержание. Если язык - это норма (общая для всех членов данного общества и данного периода времени), независимая от степени ее усвоения конкретно говорящим человеком, то речь - своеобразная интерпретация норм языка, обусловленная социокультурными факторами и личностными особенностями участников словесного общения. Если язык нейтрален, лишен эмоциональной выразительности, то речь - экспрессивна, эмоционально окрашена личностью говорящего. Язык и речь, основные элементы языковой действительности, в своем существовании образуют единство, предполагают друг друга, хотя и находятся в определенном противоречии.

В-третьих, языковая действительность как социальный феномен проявляется в следующих гранях: онтологическая (рассматривается как средство отражения процессов объективного мира), генетическая (неразрывная связь языка с существованием человека, конкретно-историческим этносом), телеологическая (языковая деятельность есть не только результат творческой деятельности людей, но и сама выступает как цель), лингвистическая (переход языка из совокупности сигнально-знаковых форм через знаковую систему в языковую действительность). Таким образом, языковую действительность можно определить как систему языковых знаков, разработанную конкретно-исторической общностью людей, предназначенную для отражения процессов объективного мира и организации их взаимодействия посредством текстового общения.

В-четвертых, текстовое общение в устной или письменной формах выступает связующим звеном между языком (текстовое общение есть связанная последовательность языковых единиц, которые строятся в соответствии с языковыми нормами, подтвержденными коллективным опытом во времени) и речью (текстовое общение - конкретизация речевого акта есть речь, погруженная в жизнь). Однако далеко не всегда язык может перейти в речь, и не всякая речь становится текстом, не любой текст можно "озвучить".

#### **Библиографический список**

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Барташова О.А., Полякова С.Е., Кононова И.В., Чибисова Е.А. Логика и теория аргументации : учеб. пособие / – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. – 117 с.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат// Философские работы.- М.: Гнозис, 1994. Ч.2. - 5-73 с.
4. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. -352с.
5. Лосев А.Ф. Бытие - имя - космос.- М., 1993. - 806 с.
6. Салмина П.М. Когнитивные функции языка//Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. (Казань, 11-13 декабря 2003г) Труды и материалы: В 2 т. -Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. - 68-70 с.

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ФРАЗОВОГО ГЛАГОЛА В  
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ****Фролова Галина Эдуардовна**Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского  
[galiavaxromeewa@yandex.ru](mailto:galiavaxromeewa@yandex.ru)**EVOLUTION OF VIEWS ON PHRASAL VERBS IN MODERN LINGUISTICS****Frolova Galina Eduardovna**

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D.Ushinsky

**Аннотация.** Статья посвящена изучению роли фразового глагола в современной лингвистике. Автор проводит анализ работ, посвященных проблеме фразового глагола, прослеживает изменение взглядов ученых-лингвистов на данную проблему.

**Ключевые слова:** языкознание, фразовый глагол, роль в современной лингвистике

**Abstract.** The article is devoted to studying the role of phrasal verb in modern linguistics. The author analyzes the papers devoted to the problem of the phrasal verb, traces the change of linguists' views on the problem.

**Key words:** linguistics, phrasal verb, role in modern linguistics

Фразовые глаголы - одно из самых спорных и неоднозначных явлений в языке. За последние 500 лет количество фразовых глаголов увеличилось в пять раз и продолжает расти. На современном этапе количество фразовых глаголов составляет 30 % (около 5 тысяч) от количества всех глаголов в английском языке. [7, с. 176]

Фразовые глаголы (ФГ) представляют собой особое явление, характерное для аналитических языков, в частности, для английского языка. К такому типу словосочетаний можно отнести, например, такие сочетания глаголов с предлогами, как *give up* (прекращать), *go on* (продолжать). Не вызывает сомнения тот факт, что в представленных словосочетаниях и глагол, и адвербиальная частица полностью утратили свое первоначальное значение, превратившись в семантически нечленимое единство.

В словаре Webster's New international Dictionary of the English language (1989) ФГ – это идиоматическая глагольная фраза, образованная с участием предложных частиц. [19, с. 552]

Словарь The American Heritage Dictionary of the English language (1992) дает следующую трактовку данным единицам. ФГ – это глагольные комплексы, состоящие из глагола и одной или более последующих частиц, которые действуют как одна полная семантическая или синтаксическая единица. [18, с. 351]

В словаре Longman Dictionary of English language and Culture (1993) дается следующая трактовка ФГ– это устойчивое выражение, которое состоит из глагола, за которым следует наречие (*give up*), предлог (*look after*) или *и то, и другое* (*put up with*). [14, с. 374]

В Новом большом англо-русском словаре под ред. Ю.Д. Апресяна и Е.М. Медниковой фразовые глаголы понимаются как глаголы с постпозитивным наречным показателем. [6, с. 75]

В рамках лингвистики до сих пор нет единства в терминологической номинации данных единиц. Лингвисты – исследователи используют следующие термины для обозначения фразовых глаголов – *compound verbs* (Sweet, Curme), *group-verbs*, *verb-adverb combination*, *phrasal verbs*, *merged verbs*, *verb-adverb locution*, *separable compounds* (Kruisinga 1931: 223), *poly-word verbs*, *separable verbs* (Sroka, 1971), составные глаголы (Жигадло), слитные глаголы (Гурский), глагол с послелогом / поствербум (Аничков, Амосова, 1963, Львова, 1990), глагольный постпозитивный комплекс (Кунин, 1972), глагольный комплекс (Голубкова, 1990), глагольно-послеложная структура (Скоромощенко, 1995). В свою очередь, Б.С. Хаймович и Б.И. Роговская, вслед за Жигадло, называют данные языковые

явления «составными глаголами» «composite verbs», а их второй компонент определяется как «слово-морфема».

Необходимо отметить тот факт, что в работах многих исследователей до настоящего времени не решен вопрос о языковом статусе и уровне принадлежности данных языковых единиц. Существуют две основные точки зрения на категориальный статус фразового глагола. Во-первых, необходимо отметить, что ряд ученых (например, Е.С. Кубрякова, И. Е. Аничков, Ю.А. Жлуктенко, И.Ю. Клиюнайте, Н.А. Лагопонова, И.Н. Ногина, Дж. Несфилд, Л. Смит и др.) придерживаются точки зрения о функциональной эквивалентности фразовых глаголов. Однако, некоторые исследователи-лингвисты (И.А. Смирницкий, С.Е. Гурский, М.П. Ивашкин, Н.Ф. Карягина, Д. Болинджер, А. Кеннеди, , М. Хэллидей) выступают против данной точки зрения и полагают, что фразовый глагол является словосочетанием глаголы и наречия, каждый из компонентов которого не утратил полностью своего первоначального значения. Несмотря на две противоположные позиции, в работах многих ученых отмечается несомненная связь между глаголом и наречием в данном типе глагольно-адвербиальных словосочетаний.

Р.Дирвен [13, с. 175] трактует данные языковые единицы следующим образом: «фразовые глаголы образуют цельную языковую единицу благодаря идиоматичности, которая возникает при прибавлении к глаголу 1) предлога (cry over something); 2) отделяемой частицы (run up the flag, run the flag up); 3) неотделяемой частицы (run up a debt); 4) одновременно предлога и частицы (face up to problems).

По определению Шведовой Л.В. «фразовый глагол в современном английском языке представляет собой целостную лексическую единицу особого рода, которая обладает переходным характером» [11, с.16].

А.С. Самигуллина дает следующую структурную классификацию фразовых глаголов:

«1) Фразовые глаголы с буквальным значением всех компонентов (literal): walk out, fall down и т.п.;

2) Полуидиоматизированные фразовые глаголы (semi-idiomatic), когда собственно глагол сохраняет свое прямое значение, в то время как частица (предлог или наречие) привносит дополнительный оттенок значения в смысловое содержание фразового глагола: wash up, hand over, pay up, wash off, pay off, wash down, hand out, dry out, pay out; work on (=work to fix, develop, or improve something), feed on (=feed oneself with) и т.п.;

3) Идиоматизированные фразовые глаголы (idiomatic): work out (=come to a successful solution), work out (=perform physical exercise), bring up (=suggest a topic), bring up (=raise children), carry on (=continue), carry out (=perform duties) и т.п.» [9, с. 75]

В работах исследователя Е.С. Кубряковой делается вывод о существовании композиционного, или интегративный типа значения фразового глагола. Отмечается, что значение фразового глагола не сводится полностью к значению его составляющих, однако, в целом, значение фразового глагола базируется по определённым правилам на значениях входящих в него частей. Исследователь также выделяет определенные прототипические характеристики, т.е. связь или сходство члена категории с его прототипом. [5, 150]

По мнению А.Ю. Григорян существуют глаголы, представленные сочетанием слов, которые имеют определенную степень интегрированности, таким образом, группа слов воспринимается как единица значения, или идиома. Можно сделать вывод, что фразовым глаголам свойственна идиоматичность и номинативная ценность. [2, с. 5]

А. Коуви и Р. Макин предлагают лексические тесты для определения идиоматичности фразовых глаголов, или иными словами, данные тесты служат целью определить, являются ли представленные глагольно-адвербиальные словосочетания свободными языковыми единицами или же они представляют собой семантически нечленимое единство. А. Коуви и Р. Макин предлагают следующие критерии:

1. Фразовый глагол во многих случаях можно заменить синонимом без предложной или наречной частицы. Например, глагольно-адвербиальное словосочетание give up можно заметить синонимом to stop, следовательно, give up является фразовым глаголом.



2. У фразового глагола невозможно заменить глагол, а также заменить или устранить второй элемент, в то время как простой глагол с наречием или предлогом не теряет своего значения, если убрать второй компонент.

*Пример № 1. The transformed scheme of the semantic structure of dull clearly shows that the centre holding together the complex semantic structure of this word is not one of the meanings but a certain component that can be easily **singled out** within each separate meaning.* (Антрушина «Лексикология английского языка»)

В словосочетании *single out* невозможно убрать второй компонент без потери значения, следовательно, можно сделать вывод, что *single out* – фразовый глагол.

3. От фразового глагола можно образовать отглагольное существительное. Например, *breakdown, closedown*. [12, с. 401]

Однако, следует отметить, что далеко не все глаголы обладают приведенным здесь требованиям. Например, от глагола *give up* невозможно образовать существительное, а глаголу *set off* невозможно подобрать синоним.

Лексические тесты часто оказываются недостаточными для идентификации фразового глагола, поэтому часто лингвисты обращаются и к грамматическим тестам, которые были разработаны Дж. Поуви. Ок добавляет к лексическим текстам следующие критерии:

4. От переходных фразовых глаголов возможно образовать пассивную форму. Например, если мы обратимся к примеру № 1, то увидим, что глагол стоит в пассивной форме, а, следовательно, согласно данному критерию он может считаться фразовым.

5. Отмечается местоименный, а не наречный характер вопросов к предложениям, содержащим фразовые глаголы. Они должны начинаться со слов *who* и *what*, а не *where* и *when*.

6 Наречная частица стоит, как правило, перед дополнением.

А. Коуви и Р. Макин, и также Дж. Поуви говорят о шкале идиоматичности, где истинные идиомы, такие как *take off, step up* займут место у вершины, а такие как *draw out* – у подножия шкалы.

А.Ю. Григорян полагает, что при отборе ФГ имеет место большая степень субъективизма. [2, с. 6]

По утверждению Б. Е. Зернова большинство отечественных лингвистов признают возможность включения в состав тех или иных частей речи ряда отдельно оформленных словообразований, если они обладают свойствами словарной единицы (они должны обладать достаточной степенью грамматизации, лексикализации, фразеологизации). [4, с. 55]

Российские лингвисты часто выступают против объединения в одну группу фразовых, предложных и фразово-предложных глаголов, т.е. они принципиально различны по своему характеру.

Таким образом, рассмотрим разницу между предлогом и наречием при сочетании их с глаголом.

Во-первых, предлог можно поставить в начало вопросительного предложения, а наречие, относящееся к фразовому глаголу, - нельзя. Данное явление обусловлено отделимостью второго компонента (предлога или наречия) в свободных словосочетаниях, и, наоборот, невозможностью отделить второй компонент во фразовых глаголах, поскольку, как уже было упомянуто выше, они обладают определенной степенью идиоматичности.

Во-вторых, второй компонент можно считать предлогом, если при включении его в придаточное определительное, не меняется смысл предложения.

В-третьих, второй компонент является предлогом, если между ним и глаголом можно поставить вопросительное слово.

С.Б. Берлизон также отмечает близость между предлогами и наречиями. Данный исследователь делает вывод о том, что в ряде случаев возникает сложность в разграничении синтаксических функций предлогов и наречий. Это явление обусловлено следующими причинами. Во-первых, предлог способен к обособлению и часто является частью специфических конструкций. Например, это инфинитивные конструкции (*plenty of time to do*

in), пассивные конструкции (the doctor has been sent for), придаточные определительные с бессоюзным определением (the girl I was talking to). Во-вторых, ряд слов могут выступать как в роли наречий, так и в роли предлогов. Например, She ran down. She ran down the hill. В первом случае второй компонент является наречием, а, следовательно, вся конструкция является фразовым глаголом. Во втором случае второй компонент является предлогом.

С.Б. Берлизон полагает, что второй компонент ФГ – это предложное наречие. Данный исследователь является сторонником недифференцированного подхода, речь о котором пойдет ниже. [1, с. 10]

Ряд ученых (например, Schmerling) при идентификации фразового глагола используют метод синтаксического членения предложения (Schmerling, 1976).

Ряд ученых (Аничков, 1956, Аксененко, 1956) в свою очередь также поддерживают данную точку зрения и считают синтаксис определяющим фактором.

Исследователь В.Я. Плоткин полагает, что короткие слова характеризуются полифункциональностью и слабо закреплены за частями речи, а длинные многоморфемные слова более стабильны по отношению к части речи. Он выделяет явление немаркированной транспозиции. [8, с. 15]

Ю.В. Столянков делает вывод о том, что фразовые глаголы представляют собой результат глубинных эволюционных преобразований грамматического строя языка и являются показателем его аналитичности. ФГ представляют собой сочетание глагола и постпозитива, выраженного наречием. «Об особом лексико-грамматическом статусе сочетаний глаголов с постпозитивно расположенным наречием говорит их многозначность и невыводимость значения (идиоматичность).» Грамматический центр таких конструкций определяется морфологическими свойствами глагола, тогда как семантический вектор является результатом взаимодействия значений двух его составляющих, причем зачастую ведущим является значение его второго компонента. Все это позволяет говорить об их принадлежности N к разряду двувершинных лексических единиц фразеологического характера. [10, с. 167]

Таким образом, можно сделать вывод, что, в целом, многие лингвисты достигли значительного единства в определении статуса фразового глагола в английском языке. Фразовый глагол – это цельнооформленная идиоматическая единица, которая не складывается из значения ее составных частей (глагола и наречия).

### **Библиографический список**

1. Берлизон С.Б. Глагольно-наречные сочетания и их роль в обогащении словарного состава современного английского языка: автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1955. — 16 с.
2. Григорян А.Ю. Варьирование акцентной структуры фразового глагола в современной английской речи: ( Эксперим.-фонет. исслед. на материале амер. варианта англ. яз.): Автореф. дис. . канд. филол. наук. Иваново, 1999.
3. Долгина, Е. А. Фразовые глаголы в языке и речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Долгина. – М., 1990. – 23 с.
4. Зернов Б.Е. Взаимодействие частей речи в английском языке. Статико-динамический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. - 128 с.
5. Кубрякова Е. С. Об инкорпорации в словообразовании современного английского языка // Проблемы общего и германского языкознания. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 149–157.
6. Новый большой англо-русский словарь. – В 3х томах. – Под ред. Ю.Д.Апресяна, Е.М.Медниковой – М.: Русский язык, 1993-94.- 2496 с.
7. Пимшина В.В., Микаилова Н.Г. Специфика перевода фразовых глаголов в англоязычных рекламных текстах // Актуальные проблемы современных социальных и гуманитарных наук: материалы третьей международной научно-практической конференции (В 4-х частях) (Пермь, 26-28 апреля 2013 г). – Пермь, 2013, с. 174-177
8. Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. Кишинёв, 1975

9. Самигуллина А.С. В многомерном пространстве фразовых глаголов // Вестник Башкирского Университета. – 2006. - № 4. – С. 99-101
10. Столянков Ю.В. К вопросу о месте фразовых глаголов в системе лексических единиц современного английского языка // Вестник Московского государственного областного университета (МГОУ): серия «Лингвистика». -М.: Изд-во МГОУ, 2007. № 1. - С. 166-171.
11. Шведова Л.В. Динамика фразовых глаголов от ранненовоанглийского к современному английскому языку: (Семант. аспект): Автореф. дис. . канд. филол. наук. СПб., 1997.- 253 с.
12. Cowie A. P., Mackin R. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 619 p.
13. Dirven, R.. Language and Ideology volume I: Theoretical Cognitive Approaches. Amsterdam: John Benjamins, 2001. – 354 c.
14. Longman Dictionary of English language and Culture, - Longman, 1993. – 1568 p.
15. Longman Phrasal Verbs Dictionary. – Essex : Pearson Education Limited, 2000. – 608 p.
16. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 1430 p.
17. Oxford Phrasal Verbs dictionary for learners of English. – New York : Oxford University Press, 2001. – 379 p.
18. The American Heritage Dictionary of the English language, 3rd edition. — American Heritage, 1992. — 8651 p.
19. Webster's New international Dictionary of the English language (1959), Издательство: Delhi: Surjeet Publications, 1989. – 1856 p.

## СЕКЦИЯ Проблемы переводоведения

УДК 801.656

### ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ВЕРЛИБРА

**Зими́на Евге́ния Вита́льевна**

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, Кострома  
ezimina@rambler.ru

### PROBLEMS OF TRANSLATING FREE VERSE

**Zimina Evgeniia Vitalievna**

Kostroma Nekrasov State University, Kostroma

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы перевода верлибра, отмечаются основные трудности, с которыми сталкивается переводчик. Простой перенос средств передачи ритма не является основой качественного перевода. Переводчик должен опираться на жанр оригинала для создания адекватного переводного текста.

**Ключевые слова:** верлибр, ритм, аллитерация, жанр, перевод.

**Abstract.** The paper covers problems that arise in translating free verse. The author describes the major difficulties faced by the translator. A simple transition of rhythmical means cannot serve as a basis of high-quality translation. The translator should define the genre of the initial text to produce an adequate target text.

**Key words:** free verse, rhythm, alliteration, genre, translation.

Несмотря на то, что верлибр был известен ещё в XVII веке, он получил широкое распространение в конце XIX века, а в наше время является наиболее распространённой стихотворной формой в англоязычной поэзии. Такая популярность верлибра объясняется тем, что в нём виден отказ от строгих норм стихосложения, некий бунт против привычного рифмованного стиха.

Существует распространённое мнение, что верлибр не имеет ни формы, ни ритма, однако это не соответствует действительности. Ритм верлибра не определяется стихотворным размером или рифмой, но это не означает, что верлибр – это короткий прозаический текст, произвольно разделённый автором на строки. Ритм верлибра определяется различного рода повторами: фонетическими, лексическими, синтаксическими; расположением текста на странице или иными, непривычными способами.

Общих характеристик верлибра не существует. Каждый поэт, отклоняясь от стихотворной нормы, делает своё стихотворение уникальным. Поэтому «волнистые» верлибры Пабло Неруды совершенно непохожи на рубленые строки Тымотеуша Карповича или на стихи Шинейд Моррисси, напоминающие дневниковые записи или газетные заметки. При этом стоит отметить, что в зависимости от поэтической задумки у одного и того же поэта верлибр может быть разным, то есть от стихотворения к стихотворению используются совершенно непохожие средства выразительности.

В наше время верлибр часто используется для перевода рифмованных стихов. Клайв Скотт [2; 72-73] объясняет это тем, что такая переводческая стратегия не ставит переводчика перед выбором: сохранить смысл или сохранить рифму. В отечественном переводоведении принята стратегия сохранения рифмы, размера и смысла, что на наш взгляд, приближает перевод к оригиналу. Переведённые верлибром стихи русских классиков теряют всё очарование. Также невозможно представить Эмили Дикинсон, переведённую на русский язык верлибром.

Но как же переводить сам верлибр? Начинающие переводчики часто переводят верлибр прозой, затем делят прозаический текст на строки приблизительно там, где деление есть в оригинале, и получают перевод. При таком подходе эффект получается ещё невыразительней, чем при переводе рифмованного стиха верлибром – читатель не чувствует, что перед ним стихи, а видит полупрозаический, лишённый легкости текст.

Таким образом, при переводе верлибра переводчик рискует впасть в две крайности: перевести его прозой или, наоборот, приблизить к рифмованному стиху, что нередко происходит, если в тексте встречается окказиональная рифма, как, например, в верлибрах Виславы Шимборской.

Переводя верлибр, переводчик, в основном, решает проблему сохранения ритма, так как именно ритм отличает верлибр от прозаического текста. Здесь переводчик сразу должен сделать выбор: либо постараться воспроизвести ритм оригинала, либо сразу отказаться от этой стратегии. Сторонники второй точки зрения полагают, что из-за различий между языками нельзя добиться того, чтобы ударения падали на те же слоги, что и в оригинале. Даже если в подлиннике короткие строки, совпадение ударных слогов – крайняя редкость.

Что же касается передачи ритма с помощью аллитерации и ассонанса, то трудно предположить, чтобы и в оригинале, и в переводе аллитерировали одни и те же звуки в тех же самых местах текста. Поэтому переводчик должен снова выбирать между двумя стратегиями: а) сохранить аллитерацию как приём, но повторять другой звук. Эта стратегия оправдана в том случае, если аллитерация является исключительно средством создания ритма и не несёт фоносемантической нагрузки; б) повторять тот же звук, что и в оригинале, но поступиться местом этих звуков в строке. Этот вариант создаёт риск культурного неприятия переведённого текста. Например, при переводе польских верлибров есть риск перегрузить текст шипящими, которые так естественны в польском языке, а у русскоязычного читателя могут создать негативные образы (шипение, жужжание и т.д.).

Таким образом, становится понятно, что механический перенос особенностей верлибра в текст перевода практически невозможен, хотя отдельные удачные переводы, выполненные с применением этой стратегии, существуют.

Однако ключом к пониманию стихотворения, написанного верлибром, и, соответственно, к успешному переводу, служит жанр текста. Автор всегда опирается на предшествующие литературные традиции. Можно возразить, что верлибристы, отказавшись от традиционной формы, отказались и от устоявшихся жанров, но это не совсем верно.

Верлибрист не находится в вакууме: за его плечами – столетия литературного наследия, которые влияют и на него, хотя и в разной степени. Поэтому, читая стихи, например, Шинейд Моррисси, мы видим дневниковую запись (стихотворение «1801»), газетную заметку, лирические строки – и такие наблюдения справедливы в отношении каждого поэта.

Рассмотрим стратегии перевода на примере перевода трех первых строк стихотворения Шинейд Моррисси «Signatures».

*Where nothing was, then something. Six months ago  
most of this was sludge and a gangrenous slip-way  
dripping its ruined foot into the sea – ... [2; 86]*

В переводе Е. Зиминой:

*Ничто вдруг превратилось в нечто. Шесть месяцев назад  
Была тут грязь и изъязвлённый стапель, опустивший  
свою израненную ногу в море – ...*

Жанр первой части стихотворения, по мнению переводчицы, больше всего напоминает устный репортаж, в котором одновременно сочетаются эмоционально окрашенная лексика и фактическая информация (Six months ago...). Также переводчица отметила аллитерацию межзубных звуков в подлиннике, но за неимением аналогов этих звуков заменила их аллитерацией шипящих, что, по мнению переводчицы, позволяет показать негативную коннотацию описания (грязь и т.д.).

В переводе А. Круглова:

*Совсем ещё недавно – запустенье. Всего полгода,  
Лишь топкий берег да гниющий стапель,  
обвисший в воду –*

В данном варианте переводчик уделяет большое внимание эмоциональной стороне стихотворения (которая наиболее ярко выражена во второй части). Но уже с самого начала переводчик использует слова «запустенье», «полгода» и т.д. Аллитерация не сохранена, но стихотворение по-прежнему ритмично, так как переводчик сделал строки более компактными.

В переводе Е. Савельевой:

*Из ничего появилось нечто. Полгода назад  
Здесь виднелся лишь скользкий от ила стапель,  
Спустивший в море свою гангренозную ногу –*

Переводчица аллитеритует шипящие звуки, но стихотворение менее ритмично, чем в двух предыдущих переводах. Переводчица перевела стихотворение очень близко к оригиналу, но из-за разницы в длине слов ударных слогов немного, и ритм крайне «растянут».

Таким образом, отправной точкой перевода, на наш взгляд, должно служить определение жанра исходного стихотворения. После этого переводчик должен стремиться применять средства выразительности, характерные для этого жанра в целом. Такая переводческая стратегия принесёт больший успех, нежели механический перенос ударений и прочих средств ритмизации в переводной текст. Если же эти стратегии удастся соединить, то можно добиться качественного и удачного перевода.

### Библиографический список

1. Шинейд Моррисси. Шесть стихотворений. *Иностранная литература*, 9, 2015, стр. 86-89, перевод Е.В. Зиминой, А. Круглова, Е. Савельевой.
3. Scott, Clive. Free Verse and the Translation of Rhythm. *Thinking Verse I (2011)*, 67-101. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.thinkingverse.com/issue01/clive%20scott,%20free%20verse%20and%20the%20translation%20of%20rhythm.pdf> (26.12.2015).

## СЕКЦИЯ Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы

### ЯВЛЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ В ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКЕ С КОРНЕМ «СОЛ-»

Костян Мариам Хачатуровна

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

[mariam.kostyan@yandex.ru](mailto:mariam.kostyan@yandex.ru)

### POLYSEMY DIALECT VOCABULARY WITH ROOTS «SOL-»

Kostyan Mariam Khachaturovna

North Caucasus Federal University, Stavropol

**Аннотация.** Данная статья посвящена такому системному явлению, как полисемия. В нашей работе показана полисемия диалектных слов с корнем «сол-».

**Ключевые слова:** многозначность, диалектная полисемия, слова с корнем «сол-»

**Abstract.** This article deals with the phenomenon of such a system as polysemy. Our work shows the polysemy dialect words with the root «sol-».

**Keywords:** ambiguity, polysemy dialect, words with the root «sol-»

Слово может быть однозначным (моносемичным): аллея, берёза, вестибюль, героизм, дискуссия, иней, меридиан и др. Однозначные слова разнообразны по морфологической структуре: имя существительное (невежа), имя прилагательное (неиссякаемый), глагол (остроумничать), наречие (остроумно) и т. д.; слова с непроизводной (мяч) и производной основой (заведующий), сложные слова (благополучие, космовидение, остроумие).

Однако большинство слов в русском языке имеет несколько значений. Способность слова иметь не одно, а несколько значений называется многозначностью, или полисемией (многозначный), а слово называется многозначным. Например: «солнушко - 1) Солнце, солнышко. Полюбуйся на свое солнушко, любезная, як ясно светит (песня); 2) Эпитет князя Владимира. И приехали оны ко городу ко Киеву, Ко солнушко ко Владимиру; 3) Цветок [какой?]. Солнушко кружуются, как солнушко» [2, с. 270]

В момент возникновения слово всегда однозначно. Новое значение является результатом переносного употребления слова, когда название одного явления употребляется в качестве наименования другого. Предпосылкой для употребления слова в переносном значении является сходство явлений или их смежность, вследствие чего все значения многозначного слова связаны между собой. «Несмотря на многозначность, слово представляет собой семантическое единство, которое называется семантической структурой слова» [1, с. 67].

Многозначность есть универсальное свойство языка, и является одним из важнейших свойств лексической единицы. Полисемантическое слово интегрирует массивы информации о разнородных предметах и явлениях материальной и духовной действительности, эксплицирует их связи и отношения, репрезентируя значительные объемы данных в максимально сжатой форме, и представляет собой тем самым особый способ концептуальной организации совокупного общественно-исторического опыта определенной языковой общности.

Представляется, что, несмотря на универсальный характер, феномен полисемии проявляет себя по-разному в различных подсистемах определенного языка, в данном случае - в русском литературном языке и диалектной макросистеме.

Специфика диалектной полисемии обусловлена, прежде всего, сложностью макросистемы русских народных говоров, состоящей из различных моносистем, взаимодействующих друг с другом и с литературным языком. Семантическая структура полисеманта как единицы диалектной макросистемы представляет собой комплексное

смысловое единство, формирующееся из всех значений, закрепленных за определенным языковым знаком и функционирующих в разных говорах русского языка. Развитию разветвленных смысловых парадигм в диалектной макросистеме способствует также устная форма ее существования, обуславливающая высокую активность нерегулярных фонетических процессов и большую свободу номинативной деятельности.

Диалектные полисеманты отличаются от многозначных слов литературного языка и характером представленной их значениями информации: они (как, впрочем, и любое другое диалектное слово) репрезентируют пласт совокупного опыта русской нации, тесно связанный с крестьянской культурой, повседневным бытом русской деревни. В семантической структуре диалектного полисемантического комплекса находят свое отражение результаты практического и духовного освоения мира - значения диалектных слов хранят бесценные сведения о русской природе, о народных промыслах и ремеслах, о народных обрядах и традициях, о системе моральных и эстетических ценностей русского народа.

Есть такие диалектные слова с корнем «сол-», у которых много значений. Например, у существительного «солянка» 14 значений. Это и баржа по перевозке соли, и солонка, и соленая булочка, и омлет, и засоленные овощи, и кушанья из соленой капусты, салат и окрошка. Также это речка с солончаковой водой и равнина солончаковая. «Солянка» обозначает вечернее гулянье молодежи – «*А раньше молодежи че делать? Солянки были: молодежь вечером придет, поет песни, танцы танцуют вся-кые, весело было. На солянку пойдём, ребята, погуляем!*» [2, с. 315] Так говорят в Амурской области. А вот в Смоленской области плачущую невесту называют «солянкой»: «*Солянка наша (имя невесты), Соляну гору обошла, Со слезами в двор взошла*». [2, с. 315]

Или же существительное «солёнка», которое имеет 7 значений: соль, засол, соленая рыба, соленые грибы, какое-либо кушанье (в словаре не отмечено какое именно), отварной картофель, соленая кожа.

В Архангельской, Новгородской областях так называют пирог с солью – «*Пирог с солью вместо начинки*». В Новгородской, Свердловской, Ярославской областях солёник – это гриб, пригодный для засолки.

Такое слово, как «солило» имеет несколько значений. Во-первых, это солонка. Во-вторых, в Орловской области так называют «*рассол, в котором солят мясо, рыбу*». [2, с. 312] Также есть еще одно толкование данного существительного – «*сосуд, чан, бочка и т.п. для соления рыбы, овощей*». [2, с. 312] Так говорят в Азовской, астраханской областях и казаки-некрасовцы.

Солонку также называли сольником. Так говорят в Бурятии. Данное слово имеет еще несколько значений – «*грибы, пригодные, в основном, для засолки*». [2, с. 312] А на Урале сольником называют растение, которое растет на солончаковой почве.

Таким образом, мы выявили, что диалектные слова с корнем «сол-» обладают таким лексическим явлением, как полисемия.

#### Библиографический список

1. Левашов Е.А. История слов и картотека толкового словаря. // Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.
2. Словарь русских народных говоров. – С-Пб., 2004.

#### АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ДИСКУРСЕ МОДЫ

Политова Елена Вячеславовна

Российский университет дружбы народов, г. Москва

[el.politova@gmail.com](mailto:el.politova@gmail.com)

## THE TOPICAL METHODS OF LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS IN FASHION DISCOURSE

Politova Elena Viacheslavovna

People's Friendship University of Russia, Moscow

**Аннотация.** Статья представляет собой обзор актуальных методов исследования лексической семантики в дискурсе моды. Цель статьи – познакомить читателя с лингвистическими способами анализа текстов из области моды на материале советской женской периодики.

**Ключевые слова:** лексико-семантический анализ, мода, дискурс, советская эпоха, журналы

**Abstract.** The article must be regarded as a short review of the topical methods of lexical-semantic analysis in fashion discourse. The purpose of the article is to acquaint the reader with the linguistic methods of textual analysis from fashion field based on soviet feminine periodical press.

**Key words:** lexical-semantic analysis, fashion, discourse, soviet period, magazines

Мода, как социальный феномен, играет значительную роль в жизни общества. Она не только отражает определенную манеру одеваться, но и глубинные трансформации, происходящие в жизни людей. При этом мода является уникальным культурным феноменом для формирования актуальной оценки действительности в самых различных сферах деятельности человека – экономической, духовной, политической и т.д.

Как точно замечает Ролан Барт, французский ученый, исследователь семиотики моды, «попав в сферу письменной коммуникации, мода становится самостоятельным культурным объектом, обладающим своеобразной структурой, и соответственно целями» [1, с. 310]. И, действительно, благодаря массовому появлению журналов, мода вступает в тесные отношения с языком, где последний фиксирует эволюцию моды на уровне денотации и коннотации, вырабатывает множество новых значений, делает прозрачнее и нагляднее семантическую структуру Моды.

Несмотря на актуальность моды как социального феномена, лингвистические исследования в этой сфере немногочисленны. В зарубежной научной традиции с середины XX века в рамках французского структурализма изучением моды занимались Р. Барт, А. Греймас, Ж. Бодрийяр. В российской лингвистике исследования в области моды появились относительно недавно, так как чаще мода становилась объектом внимания социологов или историков культуры. Однако на рубеже XX – XXI веков появляются работы Ф.Л. Косицкой, Я.С. Матосян, И.В. Поповой, Т.А. Белицы.

Мода как объект исследования в лингвистике рассматривалась у вышеназванных ученых в рамках семиотики, концептологии, лексической семантики. В нашей статье мы бы хотели подчеркнуть актуальность лексико-семантических исследований в области моды, связанных с понятием дискурса. Анализ дискурса моды предполагает выявление семантических сфер, лексико-семантических групп, относящихся к феномену моды.

Так, например, в работе Башкатовой Д.А. анализируется семантика и сочетаемость лексем, составляющих непосредственно лексико-семантическую группу (ЛСГ) «Мода», а также автором выделяются микрополя ЛСГ «Мода». С другой стороны, существуют лексико-семантические исследования, для которых сфера моды предлагает обширный материал для анализа. Например, работа Крылосовой С.Г. сфокусирована на изучении цветовой лексики в области моды. Исследуя лексемы французского и русского языка на материале модных журналов, газет, каталогов одежды, автор показывает, каким образом хроматическая лексика связана с культурой и вкусами общества. При этом, обе работы ориентированы на современное состояние моды в русской, а также во французской культурах. В связи с чем, представляется интересным провести лексико-семантический анализ текстов, относящихся к сфере моды, в различных периодах русской культуры. Это



позволит нам показать динамику эволюции дискурса моды, определенных лексико-семантических групп, обусловленных социально-исторической функцией.

В нашем исследовании мы предлагаем изучить понятие «Костюма» в русской культуре, его терминологию в «Системе моды» в периоды 1930-х, 1960-х и 1990-х годов на материале советской и российской женской периодики, в частности таких журналов, как «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина», а также модных журналов (наподобие Vogue, Harpers Bazaar, Glamour), которых в советскую эпоху не существовало.

Таким образом, на основе исследования лексикографической интерпретации понятия «Костюм» и имен, составляющих его семантическое окружение, мы сможем смоделировать эволюцию представления о «Костюме» в русской культуре, а также проследить за трансформацией системы концепции моды от национальной в 1930-х годах к универсальной в 1990-х годах.

Результаты исследования могут быть использованы в лингвокультурологии, лексикологии, лексикографии и когнитивной лингвистике.

### **Библиографический список**

1. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. - М., 2003. - 512 с.
2. Башкатова Д.А. Мода как объект философского осмысления и лингвистического анализа // Общественные науки и современность. № 6; 2009. С. 164-172.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: "Добросвет", 2000. — 387 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н.Караулов / Отв ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. М.: Наука, 1987. - 261с.
5. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи / Ю.М. Лотман. Таллин: Александра, 1992. - т. 1. - 480с.
6. Greimas A. J. La mode en 1830, P.U.F., Paris, 2000.
7. Svetlana Krylosova Contribution à l'étude lexico-sémantique des dénominations chromatiques en russe et en français, 2006, volume 77, numéro 1, pp. 277 – 282.

УДК 811.161.1

## **ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОДНОТИПНОСТЬ / РАЗНОРОДНОСТЬ ИМЕННЫХ ЛЕКСЕМ В СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ПРИ ГЛАГОЛАХ СОЕДИНЕНИЯ**

**Твердохлеб Ольга Геннадьевна**

Оренбургский государственный педагогический университет

[ogtwrd@gmail.com](mailto:ogtwrd@gmail.com)

## **THEMATIC UNIFORMITY / HETEROGENEITY OF NOMINAL TOKENS IN THE SUBJECT FIELD WHEN COMPOUND VERBS**

**Tverdokhlebo Olga Gennadjevna**

Orenburg State Teacher Training University

**Аннотация.** Эта статья рассматривает проблему однотипности / разнородности пары имен существительных в субъектной сфере и семантику глагола «соединить/соединять» в конструкциях современного русского языка. Выявлено, что в предложении с глаголом «соединить/соединять» позицию подлежащего при активной форме глагола могут занимать два (и более) имен существительных в форме именительного падежа. Приведен большой фактический материал, свидетельствующий, что в субъектной сфере описываемых ситуаций попарно могут быть соединены наименования однотипных и разнородных предметов или явлений, а именно: наименования лиц (в том числе собственные, а также полные наименования лиц, включающие фамилию, имя, отчество) и животных или их совокупностей; абстрактные действия и явления стихии; наименования конкретных

предметов, в частности, артефактов, орудий труда, механизмов; наименования веществ и временных отрезков. Обнаружено, что пары таких имен существительных в субъектной сфере употребляются независимо от формы числа и могут быть либо оба в единственном числе, либо оба во множественном числе; либо одно имя в единственном числе, другое во множественном числе. Полученные результаты могут найти применение в практике составления словарей, а также представляют интерес для теории и практики перевода.

**Ключевые слова:** подлежащее, имя существительное, глаголы, лексико-семантическая группа.

**Abstract.** This article considers the problem of uniformity / diversity of a pair of nouns in the subjective sphere and the semantics of the verb "connect/connect" in the constructions of modern Russian language. It is revealed that in the sentence with the verb "connect/connect" position to be with the active form of the verb can take two (or more) nouns in the nominative case endings. Given the large amount of factual material indicating that in the subjective sphere of the described situations in pairs can be connected to the names of similar and dissimilar objects or phenomena, namely: names of persons (including own, as well as full names of the parties, including surname, name, patronymic) and animals or their aggregates; abstract actions and phenomena of the elements; names of concrete objects, in particular artifacts, tools, mechanisms; substance and time periods. Found that a pair of such nouns in subject area are used regardless of the form numbers can be implemented both in the singular; both in the plural; or one name in the singular, the other plural. The obtained results can find application in the practice of compiling dictionaries, and are also of interest for the theory and practice of translation.

**Key words:** subject, noun, verbs, lexico-semantic group.

Данная статья продолжает ряд наших статей, посвященных анализу конструкций, образованных глаголом «соединить/соединять» [4-7]. Глагольные лексемы «соединить/соединять» в современном русском предложении реализуются с относительно свободной сочетаемостью в субъектной сфере именных лексем, называющих разные предметы действительности: лица, в том числе собственные, их совокупности и части тела, стихийные природные явления, абстрактные действия и чувства, вещество и др.

Наш картотека, включающая более трех тысяч конструкций с глаголами лексико-семантической группы соединения [1] (выявленных нами из различных источников, в том числе из Национального корпуса русского языка [2]), показывает, что в «субъектной сфере» [3, с. 32] при глаголах «соединить/соединять», могут быть представлены попарно:

- наименования однотипных предметов или явлений, в частности,
  - наименования лиц (в том числе собственные, а также полные наименования лиц, включающие фамилию, имя, отчество) и животных или их совокупностей, ср.: Кучер (лицо собств.) и Кулинич (лицо собств.) *опутывали телефонным кабелем места взрыва и соединяли кабель в одну сеть* (И. Вергасов. В горах Таврии), ...*позднее Мария Осиповна Кнебель (лицо собств.) и Константин Язонович Шах-Азизов (лицо собств.) соединили его с Эфросом* (В. Розов. Удивление перед жизнью. Воспоминания); *Если очень сильное войско (совокупн. лиц) и конница (совокупн. лиц) соединили силы и выполняют построение* (Р.П. Храпачевский. Военная держава Чингисхана);
  - наименования абстрактных понятий, в частности, действий, состояний и отношений: ...*много лет их соединяли уже только взаимопонимание (действие) и дружба (действие)* (О. Рой. Капкан супружеской свободы); а также наименования наук: Статистика (наука) и математика (наука) *соединили его* (тело — О. Т.), *точно хирургические нитки* (Х. Грэм. Смертельная жатва),
- наименования конкретных предметов, в частности, артефактов, орудий труда, механизмов, в том числе и повторяющиеся наименования: *Ближние пушки и дальние пушки соединили свои голоса...* (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

• либо наименования разнородных предметов и явлений реальной действительности, соединенных в предложении попарно в различных вариантах, ср.: ...он понимал, что судьба (стихийная сила) и боги (сверхъестественное существо) соединили его с женой (О. Крючкова, Е. Крючкова. Дети Ирия. Ладомира); С любимым нас соединила ночь (временной отрезок) и мой мир (совокупность сверхъестественных существ) призраков (Е. Усачева. Желание); Где бледнорозовые веки (часть тела) И свет (стихийное явление природы) твоих зелёных глаз Соединяют нас навеки. (В. Паньков. «Стихи.ру»); Преступление (действие) и человеческая кровь (часть тела, жидкость) никогда не соединяют, а только разделяют (Рафаил (Карелин). Казнь над нерожденным) и др.

Причем пары таких имен существительных в субъектной сфере употребляются независимо от формы числа, в частности, в нашей картотеке существительные могут быть:

✓ оба в единственном числе: Почти лишенное очертаний в свете звезд лицо (ед. ч.) и голос (ед. ч.), теплый, близкий, как бы соединяли нас. (О. Райт, Островитяния, Т.1);

✓ оба во множественном числе: ...нам важно знать, какие чувства (мн. ч.) и стремленья (мн. ч.) соединяли членов дружеского союза (В.И. Водовозов. Новая русская литература. С. 107);

✓ либо одно имя в единственном числе, другое во множественном числе: Казалось, и ветер (ед. ч.), завывающий за окном, и деревья (мн. ч.) на другой стороне дороги, шуршащие кронами, соединили усилия, стараясь усыпить его (С. Кинг. Кладбище домашних животных);

✓ а также количественно-именное сочетание и лексема во множественном числе: Всю систему колец соединяют множество мелких улиц (кол.-имен.соч.), так и широкие магистрали (мн. ч.) (За рулем, 97-6, 16).

Таким образом, в субъектной сфере описываемых ситуаций соединения попарно могут быть соединены наименования однотипных и разнородных предметов или явлений, употребляющиеся независимо от формы числа.

### Библиографический список

1. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебн. слов.-справ. / Под общей ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 153 с.
2. Национальный корпус русского языка. – URL: <http://search.ruscorpora.ru/> [Дата обращения 5.10.2015].
3. Твердохлеб О.Г. Репрезентация способа, орудия и средства в субъектной сфере предложений с глаголами действия, состояния и отношения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 1999. – 213 с.
4. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глагола «соединить»: агент (сверхъестественное существо) — объект // ФИЛОЛОГОС. – Выпуск 2 (25). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – С. 75-78.
5. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединение: субъект (животные и растения) — объект // Вестник Иркутского Государственного Технического Университета. – 2015. – № 5 (100). – С. 469-474.
6. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы соединения: субъект (лица) — объект // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 122-126.
7. Твердохлеб О.Г. АГЕНС (сверхъестественное существо) и ОБЪЕКТ в конструкциях, образованных глаголами соединения // Филологические открытия. – 2015. – № 3. – С. 75–78.

УДК 811.16

### СЕМАНТИКА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Карпов Егор Андреевич

Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ

[ekarpov@yandex.ru](mailto:ekarpov@yandex.ru)

### FUTURE TENSE SEMANTICS IN SLAVIC LANGUAGES

Karpov Egor Andreevich

National Research Nuclear University

**Аннотация.** Данная статья затрагивает проблему многообразия форм будущего времени в группе славянских языков. Освещая различные способы образования будущего времени в славянских языках, автор пытается дать характеристику каждой формы и определить её семантическую составляющую. В конце статьи автор делает вывод из проведённых наблюдений и даёт описание будущего времени для проекта общеславянского языка под кодовым названием новословница.

**Ключевые слова:** будущее время, славянские языки, новословница, семантика

**Abstract.** This article touches upon the problem of the manifold forms of the future tense in the group of Slavic languages. Covering a variety of methods of forming the future tense, the author tries to give a description of each form and to define its semantic component. At the end of the article the author concludes from the conducted observations and gives a description of future tense for the project of a pan-Slavic language, codenamed *novoslovnica*.

**Key words:** future tense, Slavonic languages, *novoslovnica*, semantics

Человеческое сознание привязано к понятию времени. Человечество живёт во времени: проходит ночь, наступает день, сменяются сезоны и наступает новое лето. В конце концов, всё рождается и умирает. Всё в мире совершается для того, чтобы человек чувствовал себя вовлечённым в понятие времени.

Наверное, поэтому современный человек в общем приближении разделяет мир по временной шкале на три части – момент настоящего (который происходит в данный момент), область прошлого и область настоящего. Момент настоящего служит некоторой критической точкой, которая определяет критическую область уже свершённого.

Это соответственно отражается и в нашей речи. То, что происходит сейчас, мы описываем настоящим временем, то, что уже свершилось – прошедшим, а то, что лежит в области не свершившегося – будущим. В этой статье я бы хотел подробно обратиться к будущему времени и рассмотреть его с точки зрения славянских языков. Как славяне видят будущее время и какие формы употребляют для этого.

Считается, что изначально праиндоевропейский язык не имел категории будущего времени как таковой. Оно описывалось настоящим временем с соответствующими наречиями. То есть для человека из прошлого было лишь различие между тем, что уже свершено и этого уже нельзя изменить, и тем, что ещё можно изменить. Однако мы можем наблюдать в индоевропейских языках сигматическое/флективное будущее, которое возможно образовалось из модификации глагола быть/иметь в суффикс будущего времени.

Рассмотрим теперь славянские языки и употребление будущего времени в них. Будем перечислять различные типы, существующие в одном/некоторых славянских языках, и давать небольшую характеристику. В качестве нулевого типа рассмотрим тип простого будущего времени, который можно найти во всех славянских языках, где существует понятие совершенного вида глагола. Так, форма настоящего времени для таких глаголов принимает значение будущего времени. Это может говорить о том, что для славян процесс совершения действия не может относиться к точке настоящего, то есть мы либо можем

закончить (а совершенный вид показывает законченность) это действие в прошлом, либо в будущем. Поэтому все остальные типы будут относиться к глаголам несовершенного вида.

**Пример:**

- 1) *Я пойдѹ гулять*
- 2) *Já pŕijdu na procházku – Я пойдѹ на прогулку. (Чешский)*

Первым рассматриваемым типом как раз и является сигматическое/флективное будущее время. В украинском языке его называют синтетическим.

Наблюдать мы его можем в украинском и русинском языках, а также в тарашкевицком стандарте белорусского языка. Здесь оно образуется при помощи добавление к инфинитиву суффикса будущего времени и окончаний настоящего времени. Суффикс будущего времени (-М-) образовался из глагола иметь, таким образом к полному инфинитиву добавляется этот суффикс и далее – окончания настоящего времени.

**Пример:**

- 1) *Я дивитимуся фільм. – Я буду смотреть фильм (Украинский)*
- 2) *Я роботиму завдання. – Я буду делать задания (Украинский)*

Также мы можем наблюдать данный тип в сербском, однако здесь образование будущего времени базируется не на полном инфинитиве, а на его основе (без –ТИ), к которой добавляется суффикс будущего времени (-ћ-) и затем окончания настоящего времени. В этом языке суффикс восходит к глаголу Хотеть (Хтети), если мы рассмотрим окончания глагола вместе с суффиксом будущего времени, то по сути это и будут формы настоящего времени этого глагола.

**Пример:**

- 3) *Ja певаћу када научим. – Я буду петь, когда научусь. (Сербский)*

Вторым типом будущего времени, употребляющегося в славянских языках, является составное будущее время, основанное на использовании глагола «хотеть». Это будущее время довольно популярно среди индоевропейских языков и объединяет себя различные будущие времена, основанные на модальных глаголах. Сравните, в английском языке – WILL/SHALL + инфинитив, в немецком – WERDEN + инфинитив, в норвежском VIL/SKAL/KAN + инфинитив, в голландском ZULLEN + инфинитив и т.п.

Так, данный тип будущего времени можно найти в сербскохорватских языках, а именно в Сербском, Хорватском, Боснийском, Словенском, Черногорском. Фактически, это будущее время передаёт желание говорящего сделать какое-либо действие в будущем, которое потеряло первоначальный смысл. Сравните, в русском языке выражения вида «Хотеть» + инфинитив сохранило первоначальный модальный смысл.

**Пример:**

- 1) *Ja ћу певати када научим. – Я буду петь, когда научусь. (Сербский)*
- 2) *Ja ћу пјевати када научим. – Я буду петь, когда научусь. (Черногорский)*
- 3) *Ja ћу пијевати када научим. – Я буду петь, когда научусь. (Боснийский)*
- 4) *Ja ћи рјевати, кад научит. - Я буду петь, когда научусь. (Хорватский)*

Третий тип аналогичен второму, только вспомогательный глагол отвердевает в некую застывшую форму, после которой смысловой глагол ставится в настоящем времени. Этот вид характерен для самых южных славянских языков, которые испытали наибольшее влияние турецкого языка.

**Пример:**

- 1) *Утре ти ќе одиш на работа. – Завтра ты пойдёшь на работу (Македонский)*
- 2) *Он ще дойде до нас. – Он придёт к нам (Болгарский)*

Четвёртым типом, который можно обнаружить в славянских языках, является сложное время с употреблением вспомогательного глагола быть. Здесь можно наблюдать два подтипа:

#### А) Глагол БЫТЬ (в будущем времени) + инфинитив

Тогда как в южных языках преобладает 2 и 3 типы образования будущего времени, этот тип характерен для западно- и восточнославянских языков. Его можно встретить везде, от русского до лужицких языков. Нужно отметить, что глагол БЫТЬ в будущем времени меняет свою основу, что является уникальным случаем для славянских языков. Не очень ясно семантическое значение этой формы, однако скорее всего она означает намерение что-то сделать в будущем, в отличие от желания сделать, что означают 2 и 3 типы

##### **Пример:**

- 1) *Ja będę iść do domu.* – Я буду идти домой. (Польский)
- 2) *Jô bądã pisać pismo.* – Я буду писать письмо. (Кашубский)
- 3) *Ja budu pić wodu.* – Я буду пить воду. (Верхнелужицкий)
- 1) *Vudíi mať dobré znátky.* – Они получают хорошие оценки. (Чешский)
- 2) *Ty budeš čítať kniž.* – Ты будешь читать книгу. (Словацкий)
- 3) *Я буду читать книгу.* (Русский язык)
- 4) *Я буду робити над проблемов.* – Я буду работать над проблемами (Русинский)
- 5) *Ти будеш дивитися фільм.* – Ты будешь смотреть фильм. (Украинский)
- 6) *Я буду шукаць раішэньне.* – Я буду искать решение. (Белорусский)

#### Б) Глагол БЫТЬ (в будущем времени) + причастие на –І (действительное несклоняемое причастие).

Этот тип будущего времени вышел из старославянского предпрошедшего времени и слился по значению с будущим в некоторых языках. Более того, в большинстве языков, где эта форма до сих пор существует, этот тип используется параллельно с предыдущим, что говорит о потере семантики, но сохранении грамматической формы.

##### **Пример:**

- 1) *Ja będę szedł do domu.* – Я буду идти домой. (Польский)
- 2) *Počakal bom za vas.* – Я буду ждать вас. (Словенский)
- 3) *Mě bądã pisałě pismo.* – Мы будем писать письмо. (Кашубский)

Пятый тип будущего можно найти в балканских языках. При отрицании глагола в будущем времени на официальном уровне и в положительной форме в македонском и сербском языках редко употребляемым. Он образуется при помощи ДА-конструкции, перед которой ставится вспомогательный глагол ИМА/НЕМА.

В македонском языке употребляется при наличии уверенности в совершении действия в будущем. Данная форма по смыслу и месту употребления полностью аналогична английской конструкции To have to do smth и может переводиться на русский выражением «Придётся».

##### **Пример:**

- 1) *Има да видиш шта све знам!* – Тебе придётся увидеть всё, что я знаю! (Сербский)
- 1) *Има да пеам.* – Мне придётся спать. (Македонский)
- 2) *Няма да идвам.* – Не приду (семантически: Не придётся идти) (Болгарский)

Подводя итоги статьи, хотелось бы заметить, что способы выражения будущего времени в славянских языках достаточно разнообразны и основаны на разном представлении о будущем времени у разных народов. Так, меняются способы образования будущего времени при осмыслении его как желания, намерения или вынужденности что-то сделать. Это позволяет лучше понять, каким менталитетом и характером обладает тот или иной славянский народ. Ведь именно это повлияло на выбор в пользу того или иного варианта использования.

В конце хотелось бы сказать, что новословница, как последователь праславянского языка, пытается вобрать в себя максимум средств выразительности при сохранении стройности системы.

Руководствуясь этими принципами, в новословнице существуют 3 способа для выражения собственно будущего времени.

- 1) Аналогично третьему типу, глагол Хтети преобразовался во вспомогательную форму

глагола Хте (морфологически – 3 лицо единственного числа), к которой добавляется смысловой глагол в настоящем времени.

2) Аналогично четвёртому типу, конструкция вида БЫТИ (в будущем времени) + инфинитив глагола.

3) Оставлена флексивная форма будущего времени (первый тип, по примеру сербского языка), однако считается, что её употребление в новословнице будет минимальным.

**Пример:**

1) *Ja хтем казати ти нѣчто. – Я хочу тебе кое-что сказать.*

2) *Ja бжду слухати гудбу. – Я буду слушать музыку.*

3) *Наконец ја те вицахтем. – Я тебя наконец увижу.*

Для глаголов совершенного вида логично, что форма настоящего времени обозначает действие в будущем. Также сохранено будущее в прошедшем как особое время (Существует два способа его выражения, основанное на принципе намерения (глагола БЫТИ) и желания (глагола ХТЕТИ)).

**Библиографический список**

1. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С. 230.
2. Ремнёва М.Л., Дедова О.В., Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Савельев В.С., Пентковская Т.В. Палеославистика, 2009.
3. К.Г. Красухин. Сигматический презенс и аорист у Гомера
4. Гинина Ст.Ц., Платонова И.В., Усикова Р.П. Учебник болгарского языка – М.: Издательство Московского Университета, 1985. С. 440.
5. Стеванович М. Граматика српског језика – Белград: Издательство ОБОД – С. 432.
6. Шолчина Я., Ворнар Э. Gornjoserbšćina za samostudij – Будышин: Издательство Домовина – С. 338
7. Ганнуш Э. Nieder Sorbisch praktisch und verständlich – Будышин: Издательство Домовина – С. 356

УДК 811.161.1

**СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ» И «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ**

**Коновалова Ирина Евгеньевна**

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

[irina.freze@mai.ru](mailto:irina.freze@mai.ru)

**VALUE CONCEPTS OF «SPEECH PORTRAIT» AND «LANGUAGE PERSON» IN MODERN LINGUISTICS**

**Konovalova Irina Evgen'evna**

North Caucasus Federal University, Stavropol

**Аннотация.** Статья посвящена соотношению терминов «речевой портрет» и «языковая личность» в современном языкознании. В результате автор показывает, что понятия «речевой портрет» и «языковая личность» тесно взаимосвязаны друг с другом.

**Ключевые слова:** речевой портрет, языковая личность.

**Abstract.** The article is devoted to the relationship of the terms « speech portrait» and «language person» in modern linguistics. As a result, the author shows that the concept of « speech portrait» and «language person» are closely interlinked with each other.

**Key words:** speech portrait, language person.

Антропоцентризм является ведущим принципом в современной лингвистике с конца XX века. Его основанием стало стремление к изучению языка в тесной связи с человеком, а

ключевым понятием термин «языковая личность».

Разработка вопросов теории и методики изучения языковой личности имеет свою историю развития. Необходимость в понятии и разработке термина «языковая личность» возникла в конце XX века. Впервые термин употребил «языковая личность» В.В. Виноградов в 1930 году в своей книге «О художественной прозе».

Одно из первых и наиболее точных определений термина «языковая личность» предложил Ю.Н. Караулов. Многие лингвисты опираются на выработанную этим исследователем структуру языковой личности. Итак, языковая личность – это «личность, обладающая знанием языковой семантики, системы концептов ее картины мира и законов речевого поведения, возможно выделение индивидуальной и коллективной языковой личности» [3, с. 3]. Совокупность этих способностей человека, по мнению Ю.Н. Караулова, обуславливает создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [3, с. 3].

В энциклопедии «Русский язык» дано следующее определение термина «языковая личность»: «Языковая личность – 1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире; 2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющее системное представление языка с функциональным анализом текста» [13, с. 671].

Таким образом, мы видим, что уже в самом содержании термина «языковая личность» содержится идея получения на основе анализа «языка» (а точнее текстов) – выводного знания о «личности» как:

а) индивидууме и авторе этих текстов, со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками;

б) типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупном или усредненном носителе данного языка;

в) представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка. Соответственно комплексность подхода к исследованию языка через языковую личность проявляется в том, что язык в этом случае предстает как система, и как текст, и как способность» [13, с. 671].

Развитие теории языковой личности в сторону соотношения в личности языка и речи позволило выделить понятия как «речевая личность», «речевой портрет». В основе разграничения этих понятий лежит, прежде всего, необходимость различения языка и речи.

Отношения между языком и речью складываются таким образом, что в систему языка включаются только наиболее устойчивые и неслучайные компоненты речи. Исходя из этого положения, О.Г. Алюнина утверждает, что «для наиболее полного и точного описания языковой личности (индивидуальной или коллективной) требуется, в первую очередь, реконструкция и анализ ее речевого портрета» [1, с. 106]. Таким образом, мы видим, что понятия «языковая личность» и «речевой портрет» тесно взаимосвязаны и обуславливают друг друга.

Взаимообусловленность данных понятий прослеживается и при анализе трехуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова, которая включает: 1) вербально-семантический уровень; 2) когнитивный уровень; 3) прагматический уровень.

К вербально-грамматическому уровню относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка – слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование. В качестве единиц когнитивного уровня, организующих статичную и относительно стабильную картину мира носителя языка, выступают: денотат, сигнификат, экстенционал понятия, фрейм, генерализованное высказывание (то есть афоризм, сентенция, поговорка),



фразеологизм, метафора, наглядный образ (живая, «кинематографическая» картинка), каламбур и др. В состав единиц прагматического уровня, отражающего интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и, соответственно, динамику его картины мира, включается пресуппозиция, дейксис, элементы рефлексии, оценка, «ключевые слова», прецедентные тексты, способы аргументации, «сценарии», планы и программы поведения [13, с. 672].

Языковая личность изучается в настоящее время по различным направлениям, среди которых Е.А. Земская выделила три основных:

1. Выявление общих особенностей языка у совокупности лиц, объединенных по каким-либо существенным признакам (то есть создание коллективного речевого портрета);

2. Монографическое описание речи отдельных лиц, создание речевых портретов, учитывающих как общие черты, присущие человеку как представителю определенной общности (социальной, профессиональной и т.д.), так и индивидуальные черты, присущие ему как личности;

3. Изучение судьбы отдельных особенностей русского языка [2, с.27-29].

В последнее время в отечественном языкознании изучение языковой личности все чаще рассматривается с точки зрения описания ее речевого портрета. Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности. При этом ученых в первую очередь, привлекают те черты языковой личности, которые несут в себе признаки групповой идентичности.

Традиция речевого портрета сложилась в Московской социолингвистической школе. Ее основоположником является М.В. Панов. В монографии «История русского литературного произношения XVIII - X вв.» он представил эволюцию русской орфоэпической нормы не только в историческом, но и в персонологическом аспекте. Им был создан ряд фонетических портретов, иллюстрирующих тот или иной период в истории произносительной системы русского языка. Выбор «модели» ученый обосновывает именно социальными и социокультурными соображениями: принадлежность к тому или иному поколению, социальному слою, следование в речи определенной культурной традиции (театральной, поэтической, бытовой), наличие локальных речевых особенностей [9, с. 25].

Одной из задач книги было определить, «в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой – внутренними законами языка» [11, с. 5]. Для этого М.В. Панов в фонетические портреты включил биографические сведения и сведениями историко-культурного характера, которые помогают объяснить тот или иной тип произношения.

Несмотря на то, что эти портреты описывали индивидуальную манеру произношения конкретного человека, они представляют социальную и общекультурную ценность. Ведь помимо индивидуальной манеры каждый портрет отражает особенности речи определенной общественной среды. Языковые факты в личностном преломлении обретают зримость и убедительность.

Идея фонетического портрета заинтересовала исследователей и сейчас активно разрабатывается уже на более масштабном уровне. В речи человека всегда отражаются его идеология и психология, житейский опыт, социальные интересы и связи, культурный уровень и духовные запросы. Писатели, рисуя человека, показывают не только окружающую его среду, внешний и внутренний облик, но и его речевую манеру. Именно поэтому они стремятся воспроизвести язык действующих лиц своих произведений как выражение типических и индивидуальных особенностей их идейно-психологической сущности. Помогает им в этом богатство общенародного языка, особенности речевых стилей изображаемых общественных групп.

Так, одной из составляющих облика говорящего при формировании целостного образа личности является речевой портрет. В нем находят отражение возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические характеристики личности.

Существует несколько понятий термина «речевой портрет», но все они сводятся к

тому, что речевой портрет является воплощением в речи языковой личности. Одно из первых и наиболее точных определений понятию «речевой портрет» дал Ю.Н. Караулов. По его мнению, речевой портрет – «это реализация в речи языковой личности человека, то есть представление в речи «многокомпонентного и многослойного набора языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [4, с. 32]. С.В. Леорда также считает, что проблема «речевого портрета» является частным направлением исследования языковой личности». [6, с. 9]. Т.П. Тарасенко определяет понятие речевого портрета как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования» [14, с. 8].

В изучении «речевого портрета» особо следует отметить работы Г.Г. Матвеевой. Она понимает под речевым портретом «набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего» [8, с. 7].

В литературе речевой портрет является средством создания художественного образа. Художественная литература играет значительную роль в воспитании человека, формировании личности, поэтому должна быть написана доступном литературном языке, «читатели с легкостью должны понять, что им хотел сказать автор» [12, с. 80].

В художественном произведении читатель входит в контакт с писателем через персонажей. Именно поэтому изображению главных действующих лиц уделяется особое внимание. Изображение внешности героя является лишь одним из средств его портретной характеристики. Читатель контактирует с персонажем двумя способами:

- 1) с помощью автора;
- 2) без помощи автора, напрямую.

Так, с внешностью героя читателя знакомит автор, но это является лишь одним из средств его портретной характеристики. Портретная характеристика может даваться также через описание поступков героев, их поведения, отношения к окружающим. Часто описание внешности носит второстепенный характер и является одним из вспомогательных средств для завершения портретной характеристики. Характеры героев, как правило, раскрываются в поступках и в сопровождающих эти поступки речах. Таким образом, речь действующих персонажей является прямым источником информации для читателя (зрителя). З. Мамедова в своей работе говорит, что такое изображение героев называется репродуктивным методом. Под репродуктивным методом она подразумевает передачу особенностей речи персонажа без авторской речи [7]. При этом речь героя воспринимается самим читателем в том виде, в каком она представлена автором в произведении без каких-либо комментариев с его стороны, в результате чего у читателя складывается определённое впечатление об особенностях характера персонажа.

По мнению З. Мамедовой, в репродуктивном методе внимание привлекают два момента. В одном случае речь персонажа носит ситуативный характер, иными словами, в ней находят отражение переживаемые им эмоциональные чувства и то психологическое состояние, в котором он пребывает. На самом деле, в другое время он не таков, речь его обычна, лишена эмоциональной окраски. В определённый момент в речи персонажа отмечаются некоторые отклонения от нормы, что позволяет говорить не о речевой его характеристике в целом, а о характеристике конкретного речевого момента.

В другом случае репродуктивный метод используется для создания исключительно речевой характеристики. Такая речь и по форме, и по содержанию характеризует героя не в какой-то отдельной ситуации, а является постоянной его манерой общения с другими. Такая речь объясняет каждый шаг, каждый поступок героя [7]. Поэтому, если объектом изучения становится персонаж художественного произведения, то речевым портретом можно считать подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений. В одних случаях для этой цели используются слова и синтаксические конструкции книжной речи, в других – средством речевой характеристики служат

просторечная лексика и необработанный синтаксис, а также излюбленные «словечки» и обороты речи, пристрастие к которым характеризует литературный персонаж с той или иной стороны (общекультурной, социальной, профессиональной).

Т.М. Николаева занимается исследованием социолингвистических портретов. Обязательным условием таких портретов является компонент, характеризующий тактику речевого поведения: выбор одних элементов (из пар или ряда вариантов) и употребление их в речи в зависимости от условий общения и неупотребление, осознанное или подсознательное отвержение других. Анализ речевого портрета представляет собой характеристику разных уровней реализации языковой личности. При этом описание всех уровней и фактов языка совершенно не требуется. Она считает, что «многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [10, с. 73]. Обычно рассмотрению подвергается отдельная сторона, чаще всего это особенности фонетики и словоупотребления.

Существует несколько схем, раскрывающих структуру речевого портрета и дающих возможность его описания. Одной из них является анализ речевого портрета по уровням, предложенный Китайгородской и Розановой.

Первым является лексикон языковой личности – уровень, который отражает владение лексико-грамматическим фондом языка. На этом уровне анализируется запас слов и словосочетаний, которым пользуется конкретная языковая личность. Следующей ступенью исследователи называют тезаурус, репрезентирующий языковую картину мира. При описании речевого портрета делается акцент на использовании разговорных формул, речевых оборотов, особой лексики, которые делают личность узнаваемой. Третий уровень – прагматикон, включающий в себя систему мотивов, целей, коммуникативных ролей, которых придерживается личность в процессе коммуникации [5, с. 25]. Все три уровня данной модели соответствуют уровням языковой личности в модели Ю.Н. Караулова: вербально-семантическому, когнитивному и прагматическому.

Таким образом, мы приходим к выводу, что понятия «языковая личность» и «речевой портрет» не только взаимосвязаны, но и иногда трудно отделимы друг от друга.

### **Библиографический список**

1. Алюнина О.Г. Понятие речевого портрета в современных лингвистических исследованиях // Лингвистика и лингводидактика на рубеже веков: теоретические и прикладные аспекты: материалы региональной научно-методической Интернет-конференции, посвященной 10-летию факультета романо-германских языков Ставропольского государственного университета. – Ставрополь: изд-во СГУ, 2010. – С.106-109.
2. Земская Е.А. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые процессы // Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. – М.; Вена, 2001.
3. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения. // Язык и личность. – М., 1989.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. – М., 1995. – 128 с.
6. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 48 с.
7. Мамедова Земфира Шахназар кызы. Способы речевой характеристики в художественном произведении. Доступно: <http://jurnal.org/articles/2010/fill7.html> (Дата обращения: 12.01.2016)
8. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1993. – 52 с.

9. Мурзинова И.А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: дис. док. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 190 с.
10. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. Часть 2. – М., 1991. – С. 73-75.
11. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. – М., 2002.
12. Пашаев А, Джафарова Э. Возможности образного выражения в художественном стиле. – Баку: Мутарджим, 2006.
13. Русский язык. Энциклопедия. – М.: «Дрофа», 1997. С. 671.
14. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 48 с.

Электронное научное издание

# **СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник научных трудов  
по материалам I Международной  
научно-практической конференции

25 января 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте [mail@scipro.ru](mailto:mail@scipro.ru)

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN: 978-5-00-005463-6

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 3.3. Тираж 500 экз.  
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова  
Наталья Александровна  
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул.  
Бекетова 53.